

Людмила Милевская

Продается шкаф

СЕРДЦА ЖЕН ПОЧИНАЕТ,
МУЖЕЙ ВОЗВРАЩАЕТ,
Д АЛИЛА
С АМСОНОВА
ВРАГОВ СЕМЬИ ИЗОВЛИЧАЕТ

С ЛЮБОВНИКОМ

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ЭКСМО

Далила Самсонова

Людмила Милевская

Продается шкаф с любовником

«Автор»

2004

Милевская Л. И.

Продается шкаф с любовником / Л. И. Милевская — «Автор»,
2004 — (Далила Самсонова)

Далила Самсонова подозревала всех! Да, все знакомые погибшей восемнадцатилетней Машеньки могли быть ее убийцами. Так показывали результаты фирменных психологических опросов Далилы. Но не может же быть такое на самом деле! В свой день рождения девушка нарядилась в ультрамодные шмотки подружки, испекла пирог и кого-то поджидала. Этот кто-то пришел и всадил ей пулю в лоб. Брат покойной, Верховский, обратился за помощью не к частному детективу, а именно к психоаналитику Самсоновой. Далила установила, что погибшая девушка... была беременна! Этот факт тщательно скрывался. Почему? Чтобы это выяснить, Далила начинает трясти ухажеров Машеньки.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Людмила Милевская

Продается шкаф с любовником

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

«Все произошло необычно, удивительно и внезапно: я влюбилась!

Волшебное состояние.

Еще недавно он был чужим, а теперь самый родной, самый добрый, умный, красивый...

Разлука с ним – страшная боль, а встреча – экстаз. Я не знала, что любовь способна делать человека таким счастливым. От многообразия чувств, кажется, можно сойти с ума.

И я схожу!

Но что же он медлит?

Ах, сколько во мне нетерпения! Я хочу, чтобы он пришел раньше? Но пирогу находиться в духовке как минимум десять минут...

Кстати, о пироге! Пора его повернуть – не дай бог, неравномерно подрумянится корочка.

Ну вот, с пирогом вроде покончено, пирог удался... Ах, я забыла поставить фужеры! Что я за бестолочь, и салфеток нет на столе!

Ну вот, теперь наконец можно присесть.

Минуты последние длинные! Длинней, чем часы. Какой он бессовестный. Почему не спешит? Почему он такой пунктуальный?

Что?! Я ругаю его?! Нет-нет, он самый хороший!

Ах, я так сильно его люблю!

Я уверена, он очень спешит. Интересно, какой он мне приготовил подарок? Да, подарок! Подарок! Что он мне принесет? Это будет нечто из ряда вон. Нечто супер. Нечто...

Что? Звонок! Это он!

Боже мой, я подпрыгнула, словно током меня ударило! И сердце колотится! И колени дрожат! Как я выгляжу? Зеркало! Где же зеркало? Ах, вот оно.

Ой, мамочка, растрепалась прическа! А губы! Слишком яркие, неверный я выбрала цвет...

Ну да поздно теперь исправлять. Как он звонит!

Как он торопится!

Открою дверь и повисну на шее.

– Милый, я так долго тебя ждала!

– Любимая, но я пришел вовремя.

– Я соскучилась!

– А я? Как ты думаешь?

– Думаю, ты тоже соскучился. А что ты принес мне? Что ты прячешь там за спиной?

– Любимая, это сюрприз. Закрой, пожалуйста, глазки.

– Нет, не закрою. Что ты прячешь? Немедленно доставай! Я слишком долго ждала!

– Ну любимая, так нечестно. Ты хочешь испортить сюрприз? Закрой глазки.

– А вот не закрою! Что там? Что там у тебя? Дай мне! Мучитель, немедленно дай!

– Хорошо, не трясина меня, достаю, ты очень упрямая.

– О боже! Пистолет?! Милый, что ты делаешь? Это очень плохая шутка!

– Это не шутка.

– Убери пистолет с моего лба! Милый, умоляю, не надо меня пугать!

– Прости, ты сама виновата...

Бог мой, какие жестокие у него глаза! Не может быть, я не верю. Словно это все не со мной. Он не шутит, он выстрелил?! Он действительно выстрелил! Все произошло неожиданно, быстро – я даже не успела его разлюбить...»

Лицо Верховского исказила гримаса боли – он замолчал. Громадный сильный мужчина стал похож на обиженного ребенка. Он сглотнул ком, на глаза его навернулись слезы, которых

Верховский не стеснялся, – так велико было его потрясение. Он слез своих не замечал, он был все еще там, со своей младшей сестрой. Он переживал последние секунды ее жизни – жуткие, холодящие кровь секунды.

Опытный психоаналитик Далила Самсонова была тоже потрясена рассказом Андрея Верховского, хоть и слышала много ужасных историй в своем кабинете.

– Убийца наказан? – спросила она.

– Нет, его не нашли, – дрожащим голосом ответил Верховский.

– Не нашли?! – поразила Далила. – Как такое возможно?!

– А вот так. Не нашли и перестали искать.

– Он что, так далеко сбежал?

– Если бы. Мы просто не знаем, кто убил нашу Машеньку. Понятия не имеем.

Самсонова отшатнулась:

– Невероятно! Вы не знали, кого любит ваша сестра?

Верховский с досадой поморщился:

– Какая любовь? У нее даже парня не было. Машеньке было не до любви.

– Могу я узнать ее возраст? – удивленно осведомилась Далила.

– Восемнадцать.

– Восемнадцать? Действительно, для любви возраст неподходящий, – с горькой иронией заметила она.

– Вы Машу не знали, – рассердился Верховский. – Она была уникальная девушка: училась, работала, имела множество увлечений...

– Каких?

Он растерялся:

– Ну, так сразу не скажешь. По лекциям бегала, по курсам каким-то, по клубам. Всего не упомнишь.

– Вижу, вас не очень-то интересовала жизнь вашей младшей сестры, – заключила Далила.

Верховский возмущенно затряс головой:

– Не правда! После катастрофы, после гибели наших родителей, я много работал. Но это не значит, что я забросил Машу с Наташей. Я и за девчонками присматривать успевал.

– Как вам удавалось?

– Друзья помогали.

– Какие друзья?

– Однокашники: Борька Мискин, Пашка Замотаев, Кроликов Гоша, Серега Хренов.

– Как-как? – изумилась Далила, с трудом скрывая улыбку.

– Серега, кореш мой, Хренов, – пояснил с серьезнейшим видом Верховский. – Мы, как те мушкетеры из книжки Дюма, четверкой дружили. Замотаев был вроде Атоса. Он вдумчивый и серьезный. Бабник Мискин больше похож на Арамиса, хотя Кроликов Гошка красивей. Но он здоровяк и балда, потому был у нас за Портоса. А я заводила компании, вроде как д'Артаньян.

Далила с иронией осведомилась:

– А Хренов был у вас за кого?

– За кого был Серега Хренов?

Растерянность Верховского говорила о том, что ранее подобным вопросом он не задавался.

– Даже не знаю, – задумчиво ответил он после продолжительной паузы. – Серега к нам пятым присоединился значительно позже, кажется, классе в восьмом. Но мы его как-то сразу приняли в нашу компанию.

– А разве это легко – дружить впятером? Разве вы не разбились на пары?

– Нет. У нас настоящая дружба, у нас монолит.

Когда погибли родители, мне было трудно, но друзья помогали. Особенно Замотаев.

Заметив уличающий жест Далилы, Верховский поспешил пояснить:

– Мы по-прежнему монолитом дружили, но с Замотаевым у меня был общий бизнес тогда. С ним я виделся чаще, он чаще и помогал. Кстати, Пашка помогался: в результате он на моей Наташе женился, на сестре. Теперь и она Замотаева. Вы ее знаете. Она меня к вам и направила.

– Да-да, мы одноклубницы с вашей Наташей, – подтвердила Далила.

Верховский смущенно признался:

– Если честно, я упирался, к вам идти не хотел, но Наташа моя... Короче, заставила.

– Отчего же идти не хотели? – с легкой усмешкой поинтересовалась Далила, заранее зная ответ.

Русский мужчина консервативен, он плохо следует моде содержать в чистоте свою душу, он не верит в психологов. Соответствуя русской традиции, он сам стрессы и топит, а не лечит последствия стрессов.

Стрессы, правда, не тонут – тонет русский мужик.

Однако это ему безразлично, потому что он пьян и доволен. А до того, что утром ждут его новые стрессы, нет ему дела. Он и новые стрессы будет топить.

Далила много раз слышала от мужчин: «Зачем мне психолог? Я сам себе доктор. Рюмашку-другую накатишь, и все стрессы будто рукой сняло».

– Почему вы не хотели обращаться к психоаналитику? – повторила она вопрос, ожидая традиционного ответа.

– Да как-то неловко, – не обманул ее ожиданий Верховский. – Здоровый мужик, а словно девица должен вываливать проблемы на женщину.

Далила напомнила:

– Для вас я не женщина, я психолог.

– Да хоть и психолог. Чем мне психолог поможет?

Машеньку никто не вернет. Значит, и от боли никто меня не излечит.

Далила спорить не стала, она дипломатично сменила тему.

– Странно, – сказала она. – Вашу сестру, Наташу Замотаеву, я год уже знаю, но она никогда не упоминала о Маше.

– А что тут странного? – удивился Верховский. – Гибель Машеньки всех потрясла. Несколько лет все жили в шоке. Наташа очухалась только тогда, когда Пашка на ней женился. Ей врачи строго-настрого запретили о Машеньке говорить. Даже думать о Маше запретили. Я, мужчина, и то не могу пережить это горе, а уж Наташа моя и подавно. Она сидит дома, без дела, одна. Я хоть на дела отвлекаюсь. В последние годы мой бизнес наладился, я за границу подался и вроде начал беду забывать, а в Питер вернулся и снова расклеился.

– На что вы жалуетесь? – осторожно спросила Далила, не слишком рассчитывая на ответ.

Верховский вздохнул, сделал длинную паузу и нехотя произнес:

– Как тут скажешь? Нервы ни к черту, бессонница. Но если чудом засну, сны тогда мучают. Сон, впрочем, снится один и тот же. Его я вам уже пересказал.

«Жуткий сон», – мысленно содрогнулась Далила и осторожно спросила:

– Вы лечились?

– У каких врачей только не был, – отмахнулся Верховский. – Никто не помог. Пропедуры, таблетки меня не берут. Да и какие, к черту, таблетки, страдаю-то я от бессилия. Вылечусь, когда придушу гада своими руками. Эх, знать бы, кто он, Машин убийца, увидел бы в жизни смысл. А до тех пор, пока не узнаю, так и буду себя изводить.

– У Маши были неприятности?

– Неприятности?

Верховский призадумался, а потом решительно сказал:

– Нет.

И опять призадумался:

– Правда, незадолго до смерти с ней история вышла. Она в мелкой редакции подрабатывала, так, ради интереса, проба пера. Редактор ее попросил подыскать подешевле офис, старый они не тянули. Маша нашла, а офис оказался квартирой чужой. Мошенники Маше попались, обманули ее. Вот и все неприятности. Больше, кажется, не было. Не знаю, во всяком случае, я не замечал.

– Но с чего вы взяли, что Машу убил мужчина?

Кстати, как вы сами объясняете ваш навязчивый сон?

Надеюсь, не потусторонними силами. Уверяю, душа покойницы здесь ни при чем.

– Да знаю я, – мельком взглянув на часы, ответил Верховский. – Сон всего лишь плод реконструкции тех событий. Когда я в тот страшный день вошел в нашу квартиру, сразу понял: Маша ждала мужчину.

– Почему?

– Принарядилась, подкрасилась, стол накрыла, пирог испекла. Что тут можно подумать? Не подругу же сестренка ждала.

– Да-а, – задумчиво пропела Далила. – Похоже, и в самом деле мужчину.

– В том-то и дело, – рассеянно откликнулся Верховский, снова взглянув на часы.

– Одно дело пригласить в гости мужчину, а другое дело его любить. Ваш сон говорит о сильной любви.

Почему вы решили, что Маша была влюблена?

– Как – почему? – воскликнул Верховский и надолго замолчал.

Было видно, что он абсолютно в этом уверен, но не знает, как объяснить.

– Да слишком непохоже все это на Машу, – наконец сказал он. – Маша скромной и умной была, а тут какие-то смешные супермодные тряпки. Ну, знаете, из тех, про которые говорят «прикид». Потом выяснилось, что она их взяла у Морковкиной. Марина Морковкина слывет обольстительницей, это если культурно выразиться. Как мужчине, мне очевидно: кому-то Маша хотела понравиться. Уж очень она старалась.

Далила подалась вперед:

– А Морковкина не знает кому?

Верховский обреченно махнул рукой:

– Ничего эта шлындра не знает!

– Шлындра?

– Противная девка она, эта Морковкина. Маша с ней не очень дружила. Морковкина подруга Наташи.

Никчемная девка, пустая. Знаете ли, из тех, что гоняются за богатенькими женихами. Затесалась в нашу компанию... Ну да дело не в ней...

Далила его перебила – А почему в вашем сне Маша подарка ждала? – поинтересовалась она – В свой день рождения Маша погибла. День был будний, но дата серьезная, совершеннолетие как-никак. Вечером в ресторане отмечать собирались, но Машка не дожид.

Верховский еще раз взглянул на часы и виновато воскликнул:

– Простите, но я спешу! В Питер приехал не только сестру, друзей повидать, но и по делу. Видите сами, никто мне не поможет. Я лучше пойду.

– Хорошо, – согласилась Далила, – я вас не держу, но зря вы в науку не верите. Именно в вашем случае можно и должно помочь душе излечиться.

В ответ Верховский вздохнул. Не обращая внимания на его громкий скептический вздох, Далила продолжила:

– Согласна, горе никогда не забудется, но восприниматься будет значительно здоровей. Жизнь нас делает мудрыми.

Верховский нетерпеливо помотал головой:

– Спасибо за доброе слово, но пока убийца Машеньки жив, меня бесполезно лечить. Спокойно спать все равно не смогу. Я уверен.

Она удивилась:

– Зачем же пришли?

– Из-за Наташи пришел. Разволновалась она. Вы Наташу мою успокойте, пожалуйста. Пусть она думает, что мне стало легче.

– Лгать не могу, – запротестовала Далила. – Наташе скажу как есть.

– Что ж, понимаю, простите.

Верховский виновато пожал плечами, поднялся и неуверенно потопал к двери. Молодой красивый мужчина под гнетом беды двигался как старик.

Далила вдруг осознала, что он сейчас выйдет из кабинета, а горе его – нет. Горе его с Далилой останется. Опытный компетентный психолог, она умела ставить барьеры. Она умела защищать свою душу от разрушения чужими переживаниями, но на этот раз не убереглась. Слишком сильно было горе Верховского и слишком опасно.

Далила, глядя в его сутулую спину, подумала: «Не переживет. Еще хорохорится, но доведет себя до инфаркта. Обязательно доведет, уж этого я навидалась».

Все восстало в ее душе: «Надо дать ему шанс, дать надежду. Надежда фантастически иногда спасает».

– Погодите, – остановила его Далила. – Я хочу вам помочь.

Верховский оглянулся и изумленно спросил:

– Что вы сказали?

– Я попробую вам помочь.

Он повторил:

– Моя жизнь будет адом до тех пор, пока не узнаю, кто убил Машу.

– Конечно, я это понимаю, – кивнула она. – Потому вам помощь и предлагаю.

Верховский, делая к ней шаг, изумленно спросил:

– Вы найти убийцу Машеньки собираетесь? Я правильно понял?

– Правильно, – подтвердила Далила.

Глава 2

Утопающий хватается за соломинку. Далила ожидала от Верховского скептицизма, но он поспешно вернулся к столу и с надеждой спросил:

– А как мы будем искать убийцу?

Его «мы» хоть и звучало наивно, но очень ее порадовало. Значит, Верховский не просто готов был поверить в силы Далилы, но и собирался ей помогать.

Сама она в своих силах не была так уверена, как пыталась ему демонстрировать, но это не огорчало ее.

Главное возродить его к жизни, не позволить отчаянию и пессимизму источить молодой организм, а остальное уж как получится: все в руках господина – так считала Далила.

И вместе с тем, она действительно намеревалась искать убийцу, а не просто отвлекать Верховского от его душевных страданий.

– У меня уже есть некоторый опыт в таких делах, – с гордостью пояснила Далила. – Дважды мне удалось раскрыть преступления, которые оказались не по зубам профессиональным сыщикам. Понимаю, для статистики маловато, но для надежды достаточно.

У нас есть причина думать, что и на этот раз повезет.

– Да-да! – впиваясь в нее оживившимся взглядом, воскликнул Верховский. – Надо попробовать, обязательно, если вам удастся.

Его внезапная вера в нее Далилу смутила.

– Я не волшебница, – сказала она. – И не хочу критиковать нашу милицию...

Он поспешил сообщить:

– Не бойтесь, там есть что критиковать.

Она нетерпеливо потрясла головой:

– Дело не в том. К предыдущим двум задачам, которые я успешно решила, невозможно было подходить традиционным путем. Их мог решить только хороший психолог. Я уже дважды себе доказала, что я психолог хороший. Надеюсь и третий раз доказать.

Верховский нервно поерзал в кресле и сообщил:

– Буду вам очень признателен. Сами понимаете, я не в том положении, когда можно скупиться.

– Ах, дело не в деньгах, – отмахнулась Далила. – Я лишнего с вас не возьму. Мне самой интересно.

Здесь, очевидно, та ситуация, в которой без знаний психологии разобраться нельзя. Знаете, почему не нашли убийцу?

– Почему?

– Не с той стороны на проблему взглянули. Не сомневаюсь, работы проделали много, но все впустую.

И именно потому, что в путанице событий ухватились за ложный кончик. Короче, искали не там.

– А где надо было искать?

Далила посмотрела ему в глаза и уверенно произнесла:

– Я скоро узнаю.

Верховский уже ничего не говорил – он просто ждал.

– Какие действия вы предпринимали? – спросила она, мысленно дав себе клятву не обмануть его ожиданий.

Он безрадостно сообщил:

– Частного сыщика нанимал.

– И каков результат?

– Он опросил всех друзей и знакомых, выяснил, где Маша бывала, чем занималась. У меня два тома его отчетов, а результат нулевой. Сокурсники Маши, знакомые и друзья – все твердят в один голос, что она не встречалась ни с кем. Да и сам я каждый день Машку видел. И Наташка с сестрой дружила. Они откровенничали. Если Маша парня и завела, то встречались они недолго.

– Какое время? – спросила Далила.

Верховский задумался:

– Максимум месяц. Дольше она не смогла бы свою тайну хранить. Я бы заметил, что она влюблена.

– А психологический портрет Маши вы не пробовали составлять?

Он удивился:

– А что это даст? Я Машу до последней клеточки знал, видел ее насквозь, а толку с того...

Далила не согласилась:

– Вы не правы'. Без портрета нельзя начинать.

– Да я прямо сейчас нарисую вам Машин портрет, – горячась, заявил Верховский. – Умная Машка была, сообразительная, талантливая, добрая, упорная, даже упрямая, – начал он рисовать.

– Нет, так не пойдет, – остановила его Далила. – Этак можно долго рассказывать, и все без пользы.

Лучше я подготовлю вопросы, вам и вашей сестре.

Обработав ответы, составлю Машин портрет.

– Договорились, – согласился Верховский и опять взглянул на часы. – А когда будут готовы эти вопросы? – спросил он и виновато, с поспешностью пояснил:

– К сожалению, мне скоро придется уехать. У нас есть максимум восемь дней.

Далила его успокоила:

– Самое необходимое мы успеем сделать. Завтра я увижу в клубе Наташу и передам ей свои вопросы. Но учтите, их будет много.

– Не страшно, – ответил Верховский значительно оптимистичней.

Это позволило Далиле думать, что ее тактика уже дала результат. И результат этот положительный.

Глава 3

У Пендраковского умерла прабабка – вот тогда-то и начались с ним настоящие чудеса.

Древняя прабабка досталась ему по наследству от давно умершей бабули, которая нянчила Пендраковского. Здравствующие родители его, опасаясь потерять квартиру в престижном районе, переселили сына к старушке. С правнуком она и доживала остаток дней.

Дней этих, надо заметить, осталось немало. Юный правнук успел повзрослеть, возмужать, он даже сам начал стариться и полнеть, уверовав в то, что бабуля бессмертна. Вот тут-то прабабка и умерла.

Наследство оставила: квартиру и шкаф. Но зато все по закону. Не поленилась старушка сходить к нотариусу, составила завещание, в котором указала наследника и наследство. А любимый свой шкаф детально, в подробностях описала: сколько и где царапин на нем, какое количество гвоздиков, ручек и завитков, даже овечек пересчитала на дверных горельефах¹ и пастухов, и пастушек – все чин-чином, не придерешься.

Наследство наследника отяготило. К старинной квартире Пендраковский давненько привык, а вот шкаф для него оказался сюрпризом. Комната, где обитала прабабка, просилась под кабинет: старые стены мореного дуба настраивали на рабочий лад, а вид из окна наводил на умные мысли.

Правда, бизнес, которым промышлял на жизнь Пендраковский, никаких умных мыслей не требовал.

Там одно только знай: вовремя всем (кто просит) взятки раздай и бегай себе по принципу «волка ноги кормят». На всем, что Пендраковский в бизнесе делал, была печать той «либеральной» глупости, которую наше суматошное время выжимает даже из очень умных голов. Девиз сей системы: себе кроху урви и не замечай, что бед при этом наделал гору – короче, то, чем вся страна теперь занимается.

Ясное дело, душа всегда недовольна: размах маловат. Душа-то просит высокого, вот Пендраковский и затеялся с кабинетом. Выбросил старую мебель на свалку и уперся в завещанный шкаф.

Как с ним быть?

Прабабка так пафосно шкаф завещала, что порадовать свалку подарком старушки нельзя – неприлично и даже кощунственно.

Оставалось его продать, но кто купит пыльную рухлядь?

Пендраковский вытащил шкаф из угла, отмыл от грязи и паутины, ахнул и поставил обратно в угол.

В тот же вечер он по совету приятеля вызвал оценщика с пышным именем Артур Велюрович. Тот быстро явился на зов, долго разглядывал шкаф, фотографировал даже и в результате спросил:

– Вы твердо решили это продать?

– Твердо решил, – подтвердил Пендраковский и мысль пояснил:

– Антиквариата не выношу и считаю, что рухляди место в музее.

– На музей ваша рухлядь вряд ли потянет. Думаю, вещь ваша стоит недорого, но загляну в каталог и обязательно вам позвоню, – пообещал оценщик и, оставив визитку, пропал.

Пендраковский выждал неделю и сам ему позвонил. Артур Велюрович, ссылаясь на занятость, просил еще подождать. Ждать Пендраковский не мог. Он нашел другого оценщика, и с этих пор начались чудеса.

¹ Горельеф – скульптурное изображение, выступающее над плоскостью фона более чем на половину своего объема.

В назначенное время явился respectableного вида мужчина и, представившись антикваром, нетерпеливо проследовал к шкафу.

Пендраковский, проводив его в комнату бабушки, не отходил ни на шаг. Он с интересом ожидал приговора. Антиквар делиться своим впечатлением не спешил. Достав из кармана лупу, он долго и пристально изучал главное достоинство шкафа: горельефы пасторали, отлично сохранившиеся на дверцах. Наконец, удовлетворив свое любопытство, он учтиво спросил:

– Вы позволите внутрь заглянуть?

Пендраковский воскликнул:

– Предупреждаю, там пыльно! – и, не спуская с оценщика глаз, одну за другой распахнул все три дверцы.

Антиквар испуганно отшатнулся, охнул:

– Простите, – и в смущении убежал.

Пендраковский перевел изумленный взгляд в обнажившееся чрево шкафа и... обнаружил там симпатичную даму. Дама была в роскошном костюме Евы – то есть в чем мать родила.

– Кто вы? – ошеломленно отступая на шаг, спросил Пендраковский.

Дама, выбираясь из шкафа, откровенно призналась:

– Я проститутка.

Видимо, Пендраковский не был готов к свиданию со жрицей любви, иначе чем объяснить его дикий крик:

– Что вы здесь делаете?!

Но дама не испугалась и ответила с гневным презрением:

– Что я здесь делаю? Совсем охренел? Я тебя жду, придурок!

– Ждете меня?! В этом шкафу?!

От фамильярности дамы и загадочности ситуации бедняга едва не плюхнулся на пол.

А дама сварливо завершила:

– И я про то говорила, что незачем мне лезть в эту пылюку, но ты меня в шкаф затолкал.

А то лежала б себе в кровати...

– В кровати?! – взвыл Пендраковский.

– Ну да, – надув губки, пискнула дама, и тут ее осенило отвратительным подозрением:

– Ты что, передумал, гад, мне платить?

– Я вам должен платить? За что?

– Ха! Он еще спрашивает!

И началось самое неприятное. Холостяк Пендраковский узнал наконец, кто он есть и что такое настоящий скандал. Писклявый голосок хрупкой дамы легко заглушил его возмущенный бас.

«Вот они, женщины! Неужели это я совсем недавно мечтал о семейном гнездышке?» – поражался собственной глупости Пендраковский, неистово и бесполезно отбиваясь от дамы.

Она была напориста и несокрушима. Пендраковский столкнулся вот с каким парадоксом: глядя на изящную даму с высоты своего гренадерского роста, он казался себе худосочным пигмеем. В заключение дама надавала ему пощечин и с угрозами скрылась за дверью спальни.

Напуганный, но несломленный, Пендраковский храбро понесся за ней и с изумлением обнаружил свою постель в большом беспорядке. Беспорядок был красноречивей, чем дама, которая откровеннейше объясняла, чем, как и сколько раз они занимались, да Пендраковский ей не поверил.

Не поверил он и теперь, с ужасом глядя то на постель, то на даму, вползающую гремучей змеей в неприлично тесное платье. Не поверил, но к портмоне потянулся, смущенно спросив:

– Сколько я должен?

– Сотню, – обиженно отрезала дама, благополучно покончив с платьем и принимаясь за сетчатые чулки.

– Сто рублей? – уточнил Пендраковский.

– Еще «копеек» скажи! – гаркнула дама и, позволив себе непристойный жест, презрительно пояснила:

– Сто евро, козел!

– Так много? – Глаза Пендраковского совершили попытку переселиться на лоб.

– Не много, а вдвое дешевле, чем остальным. Постоянным клиентам фирма делает скидки, – успокоила его дама и приказала:

– Быстро бабки гони, у меня еще четыре таких же, как ты, импотента.

Вежливо расплатившись, Пендраковский остался один на один со своими сомнениями. С одной стороны, крамольного он ничего не помнил, но, с другой стороны, дама раздета была. Совсем.

И постель!

Кто ее разобрал, если дама сидела в шкафу? И как она в квартиру попала? Ведь кто-то ее впустил.

Кто, если не сам Пендраковский?

И (самое главное!) как эта дама узнала про импотенцию? С импотенцией обстояло все так секретно, что он сам себе боялся признаться в этом недуге, а дама откуда-то знает!

Тут уж задумаешься – есть от чего. Больше всего Пендраковского беспокоила фраза, которую дама обронила, прощаясь.

– До встречи, – небрежно сказала она, стремительно выходя из квартиры.

Пендраковский вопросительным эхом за ней повторил:

– До встречи?

– Ну да, позвонишь как обычно. Номер ты знаешь, – бросила дама и была такова.

Вот вам загадка. Несколько дней Пендраковский пребывал в смутных сомнениях, задаваясь вопросом:

«Здоров ли я? Не сошел ли с ума?»

Припоминая визит юной дамы, он прислушивался к своему организму: нет ли сбоев еще?

Сбоев вроде бы не было.

Наконец он успокоился, заглянул в комнату отошедшей в мир иной прабабки, увидел свой наследственный шкаф и ушел в другие проблемы. Охваченный нестерпимым желанием иметь кабинет, он еще больше теперь хотел избавиться от старины. Пендраковский нашел другого оценщика.

На этот раз к нему явился благостный старичок с козлиной бородкой и голосом. Он проглял с порога:

– Что будем смотреть?

И Пендраковский повел его к ненавистному шкафу.

Антиквар с порога восхищенно воскликнул:

– О! – и метнулся к пастушкам.

Желая рассмотреть горельеф, он решительно распахнул ближайшую дверцу и...

И с воплем: «О боже!» – едва не сшиб Пендраковского с ног. Тот в ужасе закричал:

– Что, снова дама?!

И сильно ошибся: на этот раз в шкафу сидел симпатичный мужчина. Юный и голый.

– Вы кто?! – покрываясь холодным потом, спросил Пендраковский.

– Да ладно, противный, – кокетливо отмахнулся в ответ незнакомец, вылезая из шкафа и поражая всех своими размерами.

Разумеется, размерами в самом приличном смысле: с его комплекцией работать бы в кузнице, а не прятаться по пыльным шкафам.

Антиквар – застарелый, неисправимый «натурал», не понимающий голубых продвинутых веяний – в брезгливом ужасе и смущении вылетел из квартиры, а Пендраковский вынужден был остаться.

На этот раз он не стал препираться: рост, плечи и кулаки незваного гостя к лишним вопросам не располагали. Поэтому Пендраковский сразу спросил:

– Что я вам должен?

И с приятным изумлением услышал в ответ:

– Да ладно, противный, ты уже расплатился. Будто не знаешь, я беру вперед.

От такой наглости, от такого цинизма Пендраковского едва не стошнило. Однако он учел габариты мужчины и сдержался. Он простился с ним вежливо даже тогда, когда, цепenea, услышал;

– До скорого, пупсик, встретимся как обычно, я буду ждать.

Фраза наводила на грустные мысли. Пендраковский, свирепея, подумал: «Моя крыша съезжает, а чертов шкаф на месте стоит, будь он проклят!»

Желание избавиться от подарка прабабки стало столь нестерпимым, что Пендраковский готов был наброситься на несчастный шкаф с топором.

Слава богу, разум взял верх над эмоциями, и вскоре был приглашен новый оценщик.

На этот раз запуганный неудачами Пендраковский проявил осторожность и бдительность. Когда в квартире раздался звонок, он не сразу отправился к антиквару, а предварительно заглянул в «чертов шкаф» – иначе уже Пендраковский и не называл подарок прабабки.

Шкаф был пуст.

Облегченно вздохнув, Пендраковский подумал:

«Кажется, пронесло».

И смело открыл оценщику дверь.

Новый антиквар оказался здоровущим детиной.

Илья Муромец, Геркулес и Терминатор, вместе взятые (говоря языком современным), «не трепыхаются и отдыхают».

– Итак! – рявкнул детина и в предвкушении удовольствия проследовал к шкафу.

Пендраковский держался к антиквару поближе.

Тот скупно восхитился овечками, пастухами, пастушками и задорно спросил:

– А внутренности в каком состоянии?

– Мои? – отшатнулся хозяин.

– Ваши зачем мне?

– Ах, вы про шкаф.

Пендраковский хихикнул заискивающе и поспешно заверил:

– Внутренности сохранились отлично. Даже лучше, чем шкаф.

– Проверим, – сказал антиквар, решительно открывая дверцу.

Дальнейшее произошло молниеносно, Пендраковский даже не уловил, каким фантастическим образом улегся он у ног антиквара. В позе, весьма неудобной. Но не поза занимала его: горела щека. И не просто горела, а стремительно раздувалась, напoлзая на глаз.

Однако долго заниматься щекой Пендраковскому не позволили. Его подняли, внушительно потрясли и с криком: «Скотина! Ты все нарочно подстроил!» – пустили в высокий полет.

Согласно закону притяжения, полет завершился падением. Пролетев метров пять, Пендраковский приземлился в гостиной.

Теперь его мучило многое: боль в щеке, в пояснице, в боку и желание знать, почему он летает.

На первый взгляд причин для левитации не наблюдалось: крылья не выросли, а вес, напротив, за последние годы изрядно возрос.

Но (увы!) именно на свой взгляд Пендраковский и не мог положиться. Взгляд был неточным по причине затекшего глаза. Уже и второго.

А знать хотелось!

Очень хотелось знать, какая сила послала его, несчастного хозяина шкафа, в полет?

И что разожгло эту силу?

Оторвавшись от пола, Пендраковский дрожащими пальцами отвел с глаз распухшие щеки и не поверил этим глазам. Он увидел голую женщину.

Разумеется, незнакомую.

Бедняжка в ужасе металась по углам, а за ней галопом скакал антиквар. Действие происходило в комнате покойной прабабки, в присутствии шкафа, из которого, похоже, дама и вышла. В келье старушки шел жуткий выброс энергии. Стекла в окнах звенели, дрожали полы, шкаф ходил ходуном, антиквар же тыкал пальцем в сторону Пендраковского и осатанело вопил:

– Даша, что ты нашла в этом уроде?

Требуя у дамы ответа, ответить ей антиквар не давал, яростно возвещая:

– Скотина он! Импотент! Страшная рожа!

«И этот знает уже о моей импотенции, – загоревал Пендраковский. – Но к чему оскорбления? – вдруг обиделся он. – Я не скотина и совсем не урод. А рожа У меня вообще симпатичная».

И тут до него дошло, что антиквар эту женщину называет по имени – ну разве не удивительно?

Пендраковский поднялся с пола и, направляясь к месту баталии, наивно спросил:

– Простите, вы разве знакомы?

Антиквар выпустил из себя сноп огня (образно выражаясь) и проревел, тыча пальцем в голую Дашу:

– Эта сучка – моя жена!

Затем его палец изменил направление и уперся в грудь Пендраковского.

У того потемнело в глазах, – Она сучка, а ты скотина! – проревел антиквар, наводя свой страшный кулак на скулу Пендраковского.

Тот вжал голову в плечи, но удар был предотвращен нечеловеческим воплем раздетой Даши.

– Не смей трогать Валеру! – провизжала она, бесстрашно заслоня своей соблазнительной грудью оседающего на пол Пендраковского.

Опускаясь к плинтусу, Пендраковский жалобно простонал:

– Женщина, мы незнакомы.

– Женщина? – поразила она и с угрозой спросила:

– Лерик, как ты меня назвал?

– Вот вам крест, я вас впервые вижу, – заявил атеист Пендраковский и лихорадочно начал креститься.

Антиквар и Даша остолбенели.

– Что ты сказал? – плаксиво проблеяла голая Даша. – Мерзавец, ты клялся в любви!

– Я вас вижу впервые, – упрямо повторил Пендраковский и дерзко добавил:

– Обоих.

Ответом ему была пощечина. Звонкая, но тяжелая.

За ней вторая. И третья. И четвертая...

Даша била, но он не плакал – плакала она.

– Ах, мерзавец! Мерзавец! Ты клялся в любви! – рыдала женщина.

Щеки его горели, еще бы!

Но еще больше горели бока, которые энергично (ногами!) охаживал антиквар.

Атеист Пендраковский, теряя сознание, горестно вопрошал:

– Господи, за что мне?! За что?!

И господь явился.

И тихо сказал:

– Валера, за шкаф.

«Точно, крыша поехала! – прозрел Пендраковский. – И во всем виновата бабуля!»

Глава 4

Когда Далила составила психологический портрет покойной Маши Верховской, она осознала, что в нежных отношениях сестер имелись скрытые сложности.

В Наташу были влюблены все друзья брата. Некрасивая Маша завидовала красавице старшей сестре.

Одновременно с этими не очень хорошими чувствами Маша испытывала благоговение перед Наташей. В Наташе ее восхищало все: задорные ямочки на щеках, субтильная худощавость, высокий рост, тонкие длинные ноги, жирафья горделивая грация медлительных спокойных движений. Даже глупая привычка сестры говорить невпопад нравилась Маше.

Спортивная крепкая Маша не пыталась подражать хрупкой изящной Наташе. Умная девушка быть смешной не хотела, но и смириться со своим положением не могла: Маша с Наташей соперничала.

Возникал вопрос: как она это делала?

Далила ответ быстро нашла и с сожалением констатировала, что этот ответ Верховскому категорически не понравится. Такой ответ он отвергнет вместе с Далилой. Верховский будет возмущен ее выводом, оскорблен и, конечно же, откажется от ее помощи.

«Стало быть, сей факт от Верховского придется скрывать», – решила Далила и озабочено заключила:

– Что значительно осложнит расследование».

Выяснив это, она отправилась в клуб в надежде застать там его «президентшу» и по совместительству подругу Наташи, Елизавету Бойцову.

Далиле повезло, Бойцова была в клубе, она бойко командовала садоводом. Компенсируя недюжинной силой голоса поразительную глупость своих команд, Елизавета с просветленным видом бодро вещала:

– Семеныч, этот фикус тащи под лестницу! Там у нас пусто и мрачно! Надо бы фикусом освежить!

Семеныч возражал устало и безысходно:

– Елизавета Давыдовна, это пальма, не фикус. Ей не выжить под лестницей.

– Почему это? – с напором, с угрозой осведомлялась Бойцова.

– Пальма в темноте не растет, – виновато пожимая плечами, просветлял «президентшу»

Семеныч. – Ее бы на солнышко.

– Ну ты даешь! Где в Питере солнышко брать? Ладно, фикус поставим у входа.

Далила с усмешкой наблюдала за Елизаветой Бойцовой, мысленно поражаясь: «Как Лиза умудряется одновременно любить цветы и не уметь их различать?

Даже я вижу, что эта пальма не фикус, и даже я знаю, что нельзя пальму совать в темное место».

Но Елизавета, не замечая Самсоновой, намеревалась и дальше ее удивлять.

– Хватай алоэ и в бар тащи, – приказала она Семенычу.

Садовник аккуратно выбрал нужный горшок и тут же был остановлен:

– Не этот, а тот!

– Елизавета Давыдовна, – взвыл утомленный Семеныч, – вы же сказали «алоэ», алоэ я и несусь. А в том горшке, на который вы указали, агава растет.

– Что-что? – презрительно осведомилась Бойцова.

Нервы садовника сдали.

– Агава маленькая, агавка! – рявкнул он раздраженно.

Тут Елизавета увидела наконец Далилу и с ходу пожаловалась:

– Видишь, что делается! Агавкают на меня все, кому только не лень!

– Нам нужно срочно поговорить, – постукивая наманикюренным ноготком по ручным часикам, сообщила Далила.

Воззрившись на садовника, Бойцова строго осведомилась:

– Справишься без меня?

Семеныч вздохнул с облегчением и, благодарно поклонившись Далиле, радостно возопил:

– Елизавета Давыдовна, конечно, я справлюсь!

Вы идите себе, президентствуйте, управляйте! А я тут тихонечко, по-стариковски...

– Да? Ну, тогда смотри, если что, без обид, – перебив его, предупредила Бойцова.

Она решительно проследовала в свой кабинет, грохоча каблуками и сердито ворча:

– Нигде без меня нет порядку, нигде, ну нигде.

Далила, послав ободряющий взгляд садовнику, посеменила за ней. Едва подруги вошли в кабинет, Елизавета начальничьим тоном спросила:

– По какому ты делу?

Сообщила Далила, лишь тщательно прикрыв за собою дверь:

– Я по секретному делу.

– Отлично! – обрадовалась Бойцова, усаживаясь за свой президентский стол. – Страсть как обожаю секретные дела! Надо бы мне работать в разведке...

Осененная внезапной мыслью, она вдруг сама себя перебила, азартно спросив:

– А как там братец Наташкин? Он к тебе приходил?

– Приходил, – кивнула Далила.

– Ты ему помогла?

– Пытаюсь помочь, потому к тебе и пришла.

Елизавета, резко подавшись вперед, упала силиконовой грудью на стол.

– А что у него? Импотенция? – возбужденно прошептала она.

– Хуже, гораздо хуже, – скорбно сообщила Далила, закатывая глаза и нарочно ввергая Бойцову в ужас.

Трюк удался.

– Импотенции хуже?! – поразились Елизавета и окончательно разволновалась:

– Да что ж у него?! Неужели изменила жена?

– У него нет жены.

– Ну, слава богу, – облегченно вздохнула Бойцова и, выдав команду:

– Рассказывай! – приготовилась слушать.

Далила начала осторожно:

– Я заметила, вы в последнее время с Наташей Замотаевой очень дружны.

Елизавета яростно возразила:

– Да ладно! Не ревнуй! Ерунда! Ты по-прежнему единственная моя подруга!

– А в качестве кого ты опекаешь Наташу?

– Опекаю ее, как «президентша» новую «членшу».

– Новую? Наташа в нашем клубе давно, кажется, больше года, – вынуждена была напомнить Далила.

– Ерунда, – отмахнулась Бойцова. – Раньше она просто так к нам приходила, а в последнее время ей советы требуются. Ты же знаешь, я страсть как люблю советы давать. Между прочим, ты тоже ее опекала.

– Когда?

– Да неделю назад.

– Каким образом?

Елизавета радостно возвестила:

– Ты ей советовала тайно от мужа заняться бизнесом! А я одобрила твой совет!

– Мой совет? – поразились Далила. – Это твой был совет, а я рядом стояла.

– Значит, ты одобрила мой совет! – с пафосом поправились Елизавета и прозаично добавила:

– Всего не помнишь.

– Я молча стояла, – ядовито ввернула Далила. – Вы так трещали, что не дали мне рта раскрыть. Не понимаю, что ужасного в том, что ты дружишь с этой Наташей? Почему ты отказываешься эту дружбу признать? – удивилась она.

Бойцова сдалась без боя.

– Тебя не хочу расстраивать, – с наивной откровенностью призналась она.

– Да я только рада буду. Не суди по себе, – «брыкнулась» Далила.

Елизавета расплылась в самодовольной улыбке:

– Да, я ревнивая. Я такая. Я бы тебя ревновала, но ты не ревнуй.

– И не собираюсь.

– Зря ты ревнуешь, – пропуская заверения подруги мимо ушей, снисходительно продолжила Елизавета. – Наташка славная баба, но дура. Кой-какой капиталец имеет, а все равно живет у мужа на иждивении. Ей повезло, что она попала ко мне.

– В наш женский клуб, ты хотела сказать, – со змеиной улыбочкой ввернула Далила, подумав: «Иногда меня страшно злит эгоизм Лизы и ее патологическая самовлюбленность. Нельзя же постоянно всем демонстрировать, что ты пуп земли, но, с другой стороны, мне ли злиться? Я еще хуже».

Не подозревая о мыслях подруги, Бойцова вдохновенно продолжила:

– Наташка овца, а вот ее Замотаев совсем не дурак. Посадил дома женушку, ее капиталец пригреб и по девочкам шастает.

– С чего ты взяла? – удивилась Далила.

– Да я уверена! – рявкнула Елизавета.

– И в самом деле, такой сногшибательный «аргумент» никак нельзя опровергнуть. А еще что-нибудь есть у тебя, кроме твоей уверенности?

Бойцова искренне поразились:

– А что еще надо?

– Хоть какой-нибудь фактик. Ну в крайнем случае сплетню, – смиренно подсказала Далила, с трудом скрывая улыбку.

Наивная самовлюбленность подруги перестала ее злить, теперь эта самовлюбленность ее смешила.

– Сплетню? – задумалась Елизавета. – Сплетни нету меня...

Взглянув на Далилу, она рассердилась:

– Расскажи лучше про герхернудель! Приходит, голову мне морочит! Сама же на лекции говорила, что своим женам изменяют семьдесят процентов мужей, так с чего я должна думать, что Замотаев Наташкин счастливое исключение? Ты его видела?

– Нет.

– Тот еще боров!

– Умеешь ты приводить аргументы, – подивилась Далила. – Ну да ладно, о Замотаеве мы потом поговорим. Давай вернемся к Наташе.

– Наташка мне нравится, – мгновенно подхватила Бойцова. – Ее нельзя одну оставлять. Она как ребенок: доверчивая, наивная, беззащитная. Потому я шефство над ней и взяла. Она привязалась ко мне, как к матери. Из-за каждой мелочи бежит ко мне за советом.

Далила горестно сообщила:

– Лиза, это не Наташа, это ты наивный ребенок.

Зря восторгаешься своей Замотаевой, она тебя еще заматает вопросами. Уверяю, скоро тебе надоест выдавать ей советы.

– Почему это?

– Потому, что она вампир. Она тебя начнет раздражать, как только ты выяснишь, что подшефная твоя никаким советам не следует. Ты уже жертва психологического вампиризма.

– Да ты что?!

– Наташа вампир, а ты ее донор. Она Беспомощная Личность – довольно часто встречающийся вид психологического вампиризма, – сообщила Далила, приготовившись слушать старую песню о ревности.

Однако Бойцова свято верила в компетентность подруги и к словам Самсоновой отнеслась очень серьезно.

– И что теперь со мной будет? – меняясь в лице, спросила она.

Далила ее успокоила:

– Ничего страшного. Наташа уже присосалась к тебе, но ты же не умерла. Дальше она будет пить твою кровь, потихоньку, малыми порциями. Разумеется, иносказательно, а не в прямом смысле.

– Ясное дело. А как это будет происходить? – поеживаясь, осведомилась Бойцова.

– Да все так же, как уже происходит. Только пока тебя это радует, но в ближайшее время начнет бесить.

Игра, которую ведет Беспомощная Личность, называется «Почему бы вам не?...» – «Да, но...» Она будет предлагать тебе ситуации, ты их будешь с жаром решать, она – отклонять все решения. И как бы ты умна ни была, Наташа-вампир тебя победит. Вступая в ее игру и выдавая ей психологические «поглаживания», ты начнешь раздражаться, а ей только того и надо.

Она питается чужой энергией. К тому же она начнет перекладывать на тебя ответственность за все свои неудачи. Это позволит ей почувствовать над тобой свое превосходство. Короче, – заключила Далила, – вампиры извлекают из донора множество положительного. Долго перечислять.

– И как же мне быть? – растерянно спросила Елизавета.

– Отказаться от роли Родителя. Перестань давать ей советы.

Бойцова подошла кардинально к проблеме.

– Я с ней вообще перестану дружить, – заявила она.

– А вот этого делать не надо.

– Почему?

Далила шепотом сообщила:

– Потому что я подозреваю Наташу в убийстве младшей сестры.

Глава 5

Услышав сообщение Далилы, Елизавета едва не выпала из своего дорогого кресла – так рискованно качнулась она вперед, ажиотажно воскликнув:

– Не может быть!

– Значит, ты уже слышала о младшей сестре Замотаевой, – мгновенно сделала вывод Далила.

– Да, Наташа рассказывала мне о своей покойной сестре, – призналась Бойцова. – Но у меня сложилось впечатление, что она сестру обожала. Наташка до сих пор жутко страдает, а ведь времени прошло много со дня смерти Маши. Могла бы и позабыть.

Далила предположила:

– Возможно, именно муки вины и раскаяния не позволяют ей позабыть сестру.

Елизавета восстала:

– Да с чего ты взяла, что Наташка убийца? Ничего себе обвинение. Я не верю. Ты точно ревнуешь.

– Началось, – рассердилась Далила. – Хочешь на меня повесить ярлык?

– Нет, конечно, – испугалась Бойцова.

– Тогда внимательно слушай.

Далила рассказала подруге о проблеме Верховского и о выводах, которые она сделала из ответов, полученных на свои вопросы.

– Составляя психологический портрет Маши, – сообщила она, – я имела возможность окунуться в ауру семьи Верховских и поняла, что семья эта весьма невротична.

Елизавета фыркнула:

– Нашла чем удивить. В наше время почти все невротики, так какие у них будут семьи? Само собой, невротичные.

– К сожалению, ты права, урбанизация не оздоровила психику человека, – согласилась Далила. – Общение – это психологическая борьба, необходимая человеку. Но у нас этой борьбы слишком много. В большом городе люди искры высекают друг из друга.

– Какие там искры, – посетовала Бойцова, – гранаты друг в друга бросаем. Борьба идет не на жизнь, а на смерть. И не только психологическая, а уже и физическая. Вулканы гнева извергаем на родственников, соседей, сотрудников. Хотим друг за другом успеть, от жадности осатанели, тянем к себе все подряд, рвем из глотки у брата.

– Именно, – подтвердила Далила, – а потом расплачиваемся за это соматическими расстройствами: язвой, гастритом, астмой, дерматитами, гипертонией.

Болезней не счесть, и все болезни от нервов. На тебя, Лизонька...

Запнувшись, Далила подумала и махнула рукой:

– Впрочем, на любого бизнесмена, на любого крупного менеджера можно смело вешать табличку:

«Меняю здоровье на баксы». Увы, это так. Без работы я не останусь.

Елизавета схватилась за голову:

– Я живу только твоими молитвами. Со здоровьем положение катастрофическое у всех. С ума сойти, гипертония у нас молодеет! Моему лучшему специалисту всего двадцать семь, а давление у него сто восемьдесят на сто десять. И все из-за нервов. Сама знаешь, бизнес в нашей стране весь насквозь экстремальный.

– Знаю, – кивнула Далила и продолжила:

– Так вот, вернемся к Верховским. Своим не правильным воспитанием родители (ныне покойные) сформировали из дочерей психологических вампиров. Ты уже в курсе, что вампиры живут по сценарию.

– Да, я до сих пор в восторге от той твоей лекции.

Я столько про всех узнала! Та лекция всем «членшам» понравилась, – отметила Елизавета.

– Спасибо, родная, – поблагодарила Далила, – но все же я напомним. Вампирам кажется, что они сами строят свою судьбу, но их будущее предопределено их невротическим состоянием. Вампиры конфликтуют с собой и с окружающими. Едва они выйдут из одной ситуации, а их уже поджидает другая, точно такая же. Поэтому они предсказуемы. И именно поэтому у меня появилась уверенность, что смогу разгадать тайну гибели Маши.

– Потому что она вампир?

– Да. Маша жила по сценарию Золушки, а Наташа – по сценарию Принцессы на горошине. К тому же Наташа, как я уже говорила, еще и Беспомощная Личность.

– Двойной вампир, – ужаснулась Бойцова. – А выглядит очень мило.

– Принцессы на горошине именно так и выглядят на первых порах. Они талантливы, артистичны, красивы, любят внимание и старательно его к себе привлекают. Но не стоит обманываться. За привлекательной личиной скрывается эгоистка, причем жестокая в своей самолюбленности. Вампирью сущность Наташа еще проявит.

Елизавета насторожилась:

– Каким это образом?

– Суди сама. Принцессе на горошине незнакомо чувство благодарности. На словах она признает чужую полезность. Если ей это выгодно, разумеется. Но на самом деле она приуменьшает чужие заслуги и преувеличивает свои. Принцесса на горошине считает себя подарком. Ей все должны уже за то, что она (такая прекрасная) просто живет на свете. Ты и глазом моргнуть не успеешь, как она через тебя начнет руководить клубом, а потом и вовсе попытается захватить власть. Она изобретательно всех рассорит и всех во всем обвинит, поднимутся склоки, начнется распад.

Ведь Принцесса на горошине любит находиться на гребне событий, чего сейчас ей катастрофически не хватает. Наташа сидит дома, ее Замотаев окончательно замотался. Бизнес его процветает, ему явно не до жены.

– И поэтому она приперлась в мой клуб! – возмутилась Бойцова. – Хочет развлечься за мой счет!

Далила, грустно покачав головой, сообщила:

– На самом деле у Принцессы на горошине благородная цель, она хочет любви, восхищения. К сожалению, добивается этого светлого чувства она отвратительными приемами: с помощью подкупа, взывания к жалости, борьбы за справедливость, угроз, шантажа.

Впрочем, все, кроме подкупа, по сути, тоже шантаж.

Эмоциональная Елизавета, хлопнув себя по колену, с чувством воскликнула:

– Ха! Шантаж ради любви!

– Для нее любовь – это лишь власть над окружающими. Теперь можешь представить, как жилось бедной Маше рядом с такой сестричкой.

– Ужас! – содрогнулась Бойцова. – И все же мне кажется, зря ты Наташку подозреваешь в убийстве сестры.

Далила ее успокоила:

– Я подозреваю не одну Замотаеву.

– Кого же еще?

– Всех друзей Андрея, ее старшего брата. Я абсолютно уверена, что среди его друзей обязательно есть вампиры. Андрей тоже вампир, а вампиров тянет к подобному. Правда, Верховский, можно сказать, бывший вампир. Он Вечный Принц, который добился успеха и стал Королем. Если сейчас ему не помочь, он потеряет бизнес и вновь превратится в Вечного Принца. И, боюсь, заболит уже серьезно. Но пока еще все поправимо.

Елизавета, нетерпеливо тряхнув головой (бог с ним, с Верховским), спросила:

– Но с чего ты решила, что убийца кто-то из близких? Вампиры вампирами, я сама у себя нахожу иногда вампиры черты, но речь идет об убийстве.

– Именно об убийстве, – подтвердила Далила.

– Тогда это слишком серьезное обвинение. Верховские из очень приличных кругов, а Машу убил подонок! Страшно даже представить: умная милая девушка, пирог испекла, стол изящно накрыла, принарядилась, гостя ждала в свой день рождения. Все так трогательно, и вот пришел подонок и вlepил пулю в лоб имениннице, чистой, ни в чем не повинной девушке. Жуть, – содрогнулась Бойцова и заключила:

– Нет, убил ее кто-то совсем чужой. Маша могла познакомиться с кем угодно и где угодно. Она была слишком юная, не разбиралась в людях. Молодежь сейчас ценит отвязность, вот и нарвалась. Мало ли маньяков на свете.

Далила сокрушенно вздохнула:

– Именно с такой позиции начинал свой поиск и тот детектив, которого нанял Верховский.

– Ото! Верховский нанимал детектива? – поразилась Елизавета.

– Да, когда убедился, что милиция в этом деле бессильна. Детектив разыскал множество ненужных знакомых покойной и проделал большую работу. К сожалению, эта работа мало мне пригодится.

– Но почему?

– Дело в том, что познакомиться с кем угодно и влюбиться в кого угодно Маша никак не могла. Она была всецело поглощена совсем другим занятием.

Бойцова скептически осведомилась:

– Каким же?

– Совершенно очевидно, что в красавицу Наташу были влюблены все друзья Андрея Верховского. А на дурнушку Машу они не обращали внимания. Именно поэтому Машу интересовали только парни старшей сестры. На любого, в кого влюблялась Наташа, Маша тут же объявляла охоту.

– Ерунда. Маша была девушкой самых высоких принципов. С чего ты взяла, что она могла позволить себе отношения с парнем сестры?

– Следи за логикой, – попросила Далила. – Ты верно подметила, что Маша стремилась жить в рамках высокой морали. К этому стремятся все Золушки. Все они руководствуются лучшими идеями: всецело отдаются служению друзьям и любимой семье. Но как раз тут-то и кроется заковыка.

– Какая же? – осведомилась Елизавета, накрытая новой волной скептицизма.

– Если верить словам Верховского, да и самой Наташи, Машу абсолютно не интересовала любовь.

Разве в ее возрасте это нормально? Девушке исполнилось восемнадцать лет в день ее смерти. Можешь ты допустить, что такая юная особа совсем не думает о парнях?

Такого даже мужененавистница Бойцова допустить не могла, а потому она неуверенно произнесла:

– Пусть так, Маша думала о парнях и согласно твоей логике это скрывала. Но вовсе не обязательно друзей ее старшего брата сюда приплетать. И совсем глупо приплетать к убийству Наташку.

Далила мученически закатила глаза:

– Я что, нарочно ее приплетаю, Наташку твою?

Однако как ты ее защищаешь!

– Да, защищаю, потому что поверить не могу даже в то, что Наташка вампирша. А убийство совсем в голове не укладывается, – призналась Бойцова и пояснила:

– Мозгами понимаю, что насчет вампириши ты вроде права. Я и сама замечала, что Замотаева фальшивит, косит под дурочку, иногда нагло льстит, но в целом она просто душка. Умом-то я осознаю, что Наташка опасна, раз ты говоришь, а сердцем эту информацию принять не могу. Она все равно мне симпатична.

– Хорошо. Тогда ответь на такой вопрос: почему Маша должна была скрывать свой интерес к парням?

Строгость брата здесь ни при чем, – предотвращая возражения подруги, сказала Далила. – Наташа своих влюбленностей не скрывала, а разница в возрасте у сестер невелика. Верховский утверждал, что сестры откровенничали друг с другом. Да и Наташа говорила о доверительных отношениях с младшей сестрой.

– Да, я знаю.

– Тогда почему Маша скрыла важнейший эпизод своей жизни? Ладно, от Верховского скрыла, но от сестры!

Вопрос поставил Лизу в тупик.

– И в самом деле, зачем Маше скрывать свои чувства? – спросила она у Далилы. – Когда влюбляешься, с утра до вечера готова трещать о любви. Даже я в юности была такой дурой. Уже и слушать меня никто не хотел, а я все трещала. Аж противно теперь вспоминать. Ну и почему Маша скрывала? – с интересом осведомилась она.

– Ты что, не слышишь меня? Согласно логике я вижу только одну причину: чувства Маши были направлены на возлюбленного сестры. Если найдешь вторую причину, буду тебе благодарна, – искренне (без всякой иронии) сообщила Далила.

Бойцова нахмурилась:

– Попробую поискать.

– Попробуй. Я уже пробовала, но у меня не получилось. Не нашла.

После минутной паузы Елизавета вдохновенно воскликнула:

– А что, если Маша влюбилась в преступника?

Скажем, в вора, в братка. Если ее избранник из низших слоев, ей было бы стыдно признаться сестре.

– Во-первых, по нашей жизни воры и эти, как ты их называешь, братки, совсем не из низших слоев, а скорее из высших – так все перед ними пляшут и пресмыкаются. Но влюбиться в явного подонка умная Маша никак не могла, а в простого парня – пожалуйста. Это в характере Золушки.

– Ну, что я говорила! – возликовала Бойцова – Золушка могла влюбиться в простого парня, но Маша как раз не влюбилась, – возразила Далила. – Я абсолютно в этом уверена.

– Но почему?

– Да потому, что Маша – Золушка. Золушка очаровательна: жертвенна, трудолюбива, скромна, безропотна. Если она влюбляется, окружает избранника вниманием и заботой. Не дай бог, у него проблемы, она не останется в стороне, а мгновенно подставит плечо. Золушки не боятся чужих проблем и способны на жертвы. Исходя из этого, давай анализировать. Ты предположила, что избранник из простых парней, следовательно, какие у него просматриваются проблемы?

– Как минимум отсутствие денег или хорошей работы, – не задумываясь, выпалила Елизавета.

– Правильно, – согласилась Далила. – А Верховские отнюдь не бедны и с обширными связями. Так могла ли наша Золушка-Маша не воспользоваться возможностями семьи ради любимого? Золушка на все готова ради любимого. Так неужели ты до сих пор думаешь, что Маша могла испугаться каких-то насмешек?

– Вряд ли, – усомнилась Бойцова. – Уже так не думаю.

– Маша непременно обратилась бы за помощью и к брату, и к его друзьям, благо, все они уже тогда процветали. Кстати, вот тебе эпизод ее жизни. В двенадцать лет Маша влюбилась в дядю Васю, дворника, и любви своей не скрывала. Она повела себя как настоящая Золушка: со слезами умоляла папу (он был директором крупной фирмы) устроить алкоголика-дворника «каким-нибудь хорошим начальником».

– Детская непосредственность с возрастом исчезает.

– У Маши она почти сохранилась, что не мешало ей оставаться сложной натурой. Кстати, Маша еще и принципиально никогда не лгала. Повторяю, мораль этой девушки была на редкость, по нашим временам, высока, – с уважением отметила Далила, чем рассердила подругу.

– Хороша мораль! – фыркнула Елизавета. – Ты меня убедила, такая Маша могла скрывать только чувства к парню Наташки, но куда делась мораль этой Золушки? Ха, у старшей сестры парней отбивать! Если так, стерва она, твоя хваленая Маша!

– Увы, человек – сложное и противоречивое существо. Наукой установлено, что в корне любого невроза лежит конфликт морали и желаний. Человек хочет чего-то, но его характер и жизненные принципы говорят: так нельзя! Именно они не позволяют человеку удовлетворить потребность.

– О! Это так! – с жаром подтвердила Бойцова. – Если бы не мои принципы, я бы весь Питер за пояс заткнула!

Вдруг ее осенило:

– Так что же, выходит, меня ждет невроз?

Далила невозмутимо продолжила:

– Карен Хорни выделила три основных противоречия. Первое противоречие – между стремлением к успеху и человечностью. Это как раз то, о чем ты переживаешь.

– Да, я не хочу брать за глотку, не хочу быть агрессивной, но ведь приходится, иначе затопчут. А в душе я беленькая и пушистая, – поплакалась Лиза.

Далила вынесла приговор:

– Это уже конфликт. Второе противоречие, – продолжила она, – это противоречие между стимуляцией потребностей и невозможностью их удовлетворения. Мода, реклама призывают купить, а купить невозможно. Вот тебе и новый конфликт – путь к неврозу.

Бойцова сочувственно возмутилась:

– А как без нее, без рекламы?! Сама ведь даю!

И тут же посетовала:

– Наживаются на мне, сволочи, бередают мою душу и здоровью вредят.

Покопавшись в ящике, она бросила на стол журнал:

– Вот, взгляни на проспект. Красный кабриолет – закачаешься! Двести тысяч евро! Хороша я в нем буду в красной карденовской шляпе с белым пером?

– Будешь неподражаема, – усмехнулась Далила.

Елизавета пожаловалась:

– Во запала! Каждый день этот проспект из стола достаю и себя извожу. Как посмотрю, под ложечкой сразу сосет. Того и гляди наживу или гастрит, или язву. Придется бюджет подкосить и купить, – вздохнула она и сквозь зубы добавила:

– Пора сажать за рекламу. На каждом шагу искушают. Я на диету, а они мне шоколад предлагают. Я что, железная? Какая выдержит воля? А вот еще проспект. Посмотри, какие тут виллы! Мама родная! Я точно умру! – схватила за сердце Бойцова.

Далила (уже без усмешки) заметила:

– Человек гонится за достойным образом жизни и обязательно заболевает. Реклама наносит чудовищный вред человеку, это бесспорно, но кто слушает нас, психологов?

– Ладно, фиг с ней, с рекламой, – махнула рукой Елизавета. – Третье противоречие давай.

– Третье противоречие по Карен Хорни – это противоречие между ощущением безграничной власти в отношении собственной судьбы и чувством незащищенности и беспомощности. Общество убеждает: ты свободен, тебе все доступно, только работай. На самом деле человек не может выбрать себе даже родителей, не говоря уже обо всем остальном: жене, работе, доме, отдыхе и одежде. Как вынужден поступать человек?

Елизавета с компетентностью бизнесмена возвестила:

– Человек плюет на совесть и рвет от жизни куски пожирней.

– А на совесть безнаказанно плюнуть нельзя, – сообщила Далила. – Говоря иными словами, невроты и соматические заболевания (сердечные болезни, язва желудка, мигрень, полиартрит, хроника легких и т. д.) возникают у человека с нечистой совестью. Поэтому все Золушки рано заболевают и чаще именно соматическими заболеваниями. Они очень тревожные, переживательные и слишком много работают. Маша такой и была: внешне спортивной и сильной, но часто простужалась. Судя по всему, от своей непорядочности она очень страдала, но поделаться с собой ничего не могла.

– Вот те на! Она еще и страдала! Тогда почему Маше приспичило влюбляться в парней Наташки? – изумилась Бойцова. – Ей что, не хватало других парней?

– Увы, Маша была охвачена сложной, противоречивой и очень болезненной гаммой чувств. У подростков так часто бывает. Маша была некрасива, а рядом живет красавица. Маша соперничала с Наташей. Она ей жутко завидовала и одновременно ее презирала.

Она ревновала ее к парням и подсознательно к ним стремилась сама.

– Зачем? – поразила Елизавета.

Далила, вздохнув, развела руками:

– Увы, чтобы разрушить новый роман Наташи.

Так проявлялся ее вампиризм. Маша хотела властвовать над сестрой.

– Что за сдвиг?

– Она Золушка, следовательно, собственница.

Собственность Золушки обычно семья. Но Маша не верила, что в нее кто-то влюбится по-настоящему, она поставила крест на себе как на женщине. Такой взгляд на себя – трагедия для любой девушки, но для Золушки это чрезвычайно мучительно. Ведь Золушка должна хлопотать, должна о ком-то заботиться. Не надеясь выйти замуж. Маша признала собственностью сестру и брата, а собственность должна принадлежать лишь хозяину, лишь ей, Маше. А тут какие-то парни, поклонники. И Наташа им свою любовь отдает.

– А Наташка еще по ней убивается. Да она заела бы Наташкину жизнь, – ужаснулась Бойцова и, кручинясь, добавила:

– О, люди – порождения крокодилов!

Пожав плечами, Далила заметила:

– Жизнь Золушки тоже счастливой не назовешь.

Вампиры вредят не только донорам, но и себе. Маша очень много трудилась, чтобы доказать своим родственникам, как она им необходима. Естественно, она боялась потерять свою власть. Несмотря на то что Маша в семье самая младшая, на ней держался весь дом.

Она привыкла заботиться о брате и Наташе. Наша Золушка была этим счастлива и мила. Но как только возникала опасность потерять это счастье, покладистость исчезала. Оберегая свои интересы, Золушки бывают очень жестокими.

Впечатленная, Елизавета спросила:

– Но как некрасивая Маша могла отбить парня у красотки Наташи?

– Элементарно, – рассмеялась Далила. – Не забывай, Маша умна. К тому же Золушки очаровательны, их обычно все любят. В отличие от Наташи Маша не проявляла эгоизма в открытую. Она могла внимательно выслушать, посочувствовать, поддержать и советом, и делом. Это оружие. Им Маша пользовалась очень умело, одновременно стараясь себе доказать, что

она лучше красотки Наташи. И все это протекало на фоне обожания старшей сестры. Старшая сестра была кумиром для младшей. Эти сложные противоречия, естественно, порождали вражду.

Елизавета запротестовала:

– Что угодно, только не это. Вот здесь ты ошибаешься. Сестры не враждовали, в этом я абсолютно убеждена.

Далила заверила:

– Враждовали, но неосознанно.

Бойцова опять восстала. Сузив глаза, она ядовито поинтересовалась:

– Откуда ты знаешь? Ты эту Машу ни разу не видела и с Наташей общалась не больше трех раз, а уже судишь об их отношениях. Да еще так уверенно. Психология психологией, но и я не глухая. Наташка до сих пор обожает сестру. Слышала бы ты, какие она ей дифирамбы поет. Если уж речь зашла о кумирах, то скорее наоборот, это Маша была для Наташки кумиром.

– Подруга твоя сама мне все приоткрыла, – пояснила Далила, вытаскивая из сумочки тетрадку с ответами Замотаевой. – Вот, смотри, что она пишет.

Я спросила, ругались ли сестры? Наташа пишет: «Поругивались иногда». Я спрашиваю: «Кто был зачинщик?» Она пишет: «Маша всегда нападала». Я спрашиваю: «Употребляла ли Маша ругательства и, если употребляла, какие?» Она пишет: «Говорила, что у меня дырки в щеках, щепкой меня обзывала, каланчой и жирафой».

Елизавету ответы не впечатлили:

– Ну и что?

Далила терпеливо продолжила:

– Еще Маша любила подшучивать над сестрой.

Знаешь этот старый прикол?

– Какой?

– «Девушка, у вас нитки из-под юбки болтаются!

Ой, пардон, это ваши ноги!»

– Ну и что? – раздраженно повторила Бойцова. – Все сестры друг дружку подкалывают.

– Совершенно верно, – согласилась Далила. – И по тому, как они это делают, можно составить впечатление и о них самих, и об их отношениях. – Елизавета сдалась и, обреченно махнув рукой, скомандовала:

– Составляй впечатление.

– Золушки стараются всем понравиться и всем угодить. Колкость, задиристость, вредность – это не их стиль. Следовательно, Маша не могла намеренно обижать сестру. Но Маша не ангел, и у нее бывали вспышки обиды, гнева и раздражения. Тем более что Наташа умеет все это вызывать. И вот тут-то получается интересная штука: ругая сестру, Маша практически признавалась той в своей зависти и, как это ни парадоксально, в любви.

Бойцова схватилась за голову:

– А теперь ты меня запутала окончательно!

– Следи за логикой, – попросила Далила. – Если Маша тактичная и добрая девушка, разве может она сделать больно сестре?

– Неосознанно может.

– Правильно. Когда сестры ругаются?

– Когда не согласны с чем-то, когда хотят выразить свой протест, когда хотят чего-то добиться, – добросовестно перечислила Елизавета.

Далила добавила:

– И когда все, тобой упомянутое, накопилось в душе и перешло в раздражение. Все, о чем ты сказала, у таких, как Маша, умных и сдержанных, вызывает желание разобраться. В ход идут не ругательства, а аргументы. А вот запас раздражения мог утопить ее рассудительность

в сильных эмоциях. Тут уж трудно удержаться от ругательств и Золушке. Но даже в такие моменты Маша себя контролировала. Она боялась обидеть сестру.

Бойцова всплеснула руками:

– Ну с чего ты взяла? То она сестру предавала, то обидеть ее боялась! Что вы за люди, психологи! Как начнете тень на плетень наводить – крыша едет!

– Никакая не тень, – рассердилась Далила. – Все ясно, как в солнечный день. Наташа красивая женщина, но разве нет у нее недостатков?

– Да сколько угодно! – радостно сообщила Елизавета. – У нее глаза даже разные: один – больше, другой – меньше. И как она ни пытается исправить разницу макияжем, все равно это сильно заметно.

– Однако Маша этой разницы вроде не замечает.

Глазами она ни разу не подковырнула сестру. Следовательно, наша Золушка боялась сделать Наташе больно даже тогда, когда с трудом себя контролировала.

Но и сдержаться она не могла. Потому и получалось, что, ругая сестру, Маша практически признавалась ей в своей зависти и, как это ни парадоксально, признавалась в любви. Можно ли Наташины ямочки в щеках назвать дырками?

– Конечно, нельзя, – с большой неохотой отозвалась Бойцова.

Далила подытожила:

– Следовательно, именно такие ямочки хотела иметь Маша. Дразня щепкой Наташу, она завидовала ее стройности. Называя каланчой, завидовала ее росту.

Сравнивая же сестру с жирафой, она уже не ругала ее, а делала ей комплимент. Всем известно, как величественно грациозны жирафы. Ну что, я убедила тебя?

Елизавета ответила на вопрос вопросом:

– Ты не помнишь, как я ругаю тебя?

– Когда ты на меня злишься, обычно говоришь:

«Слишком ты умная», – с улыбкой сообщила Далила.

– Это что же выходит, – растерянно пропела Бойцова, – я завидую, что ли, уму твоему?

– Не смею настаивать, но выходит, что да.

– Но ведь я уж точно умней тебя-то! Я же богаче!

Далила виновато пожала плечами и ядовито произнесла:

– Подсознание – штука весьма объективная. Под сознание не проведешь.

– Да ладно! – рассердилась Елизавета. – Про герхернудель лучше мне расскажи!

– Про герхернудель я ничего не знаю, а про Беспомощную Личность Наташу скажу: своими жалобами и вопросами она раздражала сестру и провоцировалась на плохие поступки. Маша обожала Наташу и одновременно вела с ней борьбу. Но, с другой стороны, Наташа тоже любила Машу и в то же время завидовала ей.

– Это в чем же?

– Наташа осознавала, что интеллектуально уступает младшей сестре. Я предполагаю, что Наташа учуяла и разгадала интригу Маши, она всячески приглашала сестру к борьбе. Между ними установилось негласное соревнование «кто кого». Сестры схватились на поле любви: между ними началась битва, но за кого? Кто самый лакомый кусочек? Конечно, друзья Верховского. Обе сестры боготворят старшего брата и обожают, а он любит и уважает своих друзей. Андрей явный лидер, все к нему тянутся, значит, в доме полно гостей. Ты согласна со мной?

– Похоже на правду.

– Я уверена, между сестрами шла борьба за всех друзей брата. Обе следили внимательно и придирчиво, кого парни выделяют? Кому отдадут предпочтение?

Наташа красива, а Маша добра. Но был среди них один, кого обе любили. И вот тут-то кроется разгадка тайны. Тайны, которая не дает покоя Верховскому.

Елизавета охнула:

– Хочешь сказать, что Маша пострадала именно в этой борьбе?
– Из-за чего она пострадала, мне еще предстоит узнать, но убийцу найти мне поможет именно борьба двух сестер, – уверенно сообщила Далила.

– Каким образом?

– С помощью психологии. Одно дело утереть нос старшей сестре, стянуть на себя внимание ее обожателей, и совсем другое дело – любовь. Маша влюбилась.

А в кого Золушка может влюбиться?

– Только в принца, – рассмеялась Елизавета.

Далила подняла вверх указательный палец и воскликнула:

– Именно! Ты пошутила и невольно попала в цель.

Золушки действительно чаще влюбляются в принцев.

В нашем случае – в Вечных Принцев. Еще в Алкоголиков или Деловитых Страдальцев. Заметь, все вампиры. Кстати, для Принцесс на горошине эти невротические личности тоже весьма привлекательны.

– Давай ближе к делу, – перебила Далилу Бойцова, взглянув на часы. – От меня ты хочешь чего?

– Буду с тобой откровенна. Как по-твоему, зачем я это все рассказала?

– Не знаю.

– Чтобы тебе стало ясно, как велики мои основания в ожидании успеха.

– Успеха в чем? – удивленно осведомилась Елизавета.

– В расследовании Я буду искать не просто убийцу, а человека, чей портрет мне знаком. Психологический портрет, разумеется. И ты должна мне помочь.

– Ну, нет, только не я! – запротестовала Бойцова. – Знаешь сама, как страшно я занята. И вообще, терпеть не могу сплетничать и подслушивать – Ты всегда так говоришь, а потом и сама не замечаешь, как входишь во вкус. Но в этот раз тебе не придется ничего особого делать. Ты все равно в клубе часами с Наташей болтаешь, а теперь будешь болтать не впустую, а с целью. С полезной целью.

– Полезной кому?

– Всем порядочным людям, которые имеют к Верховским хоть какое-то отношение.

– И о чем я должна болтать? – нервно осведомилась Бойцова.

Далила ее успокоила:

– О ерунде. Где сама пооткровенничаешь, где Наташу расспросишь. Глядишь, и выявим возлюбленного обеих сестер.

– А ты не могла бы сама ее расспросить?

– Я для Наташи чужая, а к тебе она тянется. Тебе легче ее расспрашивать. К тому же я не уверена, что она станет со мной откровенничать о друзьях старшего брата.

– Выходит, ты хочешь знать только это.

– Не только это. Мне важно все, но найти Вечного Принца самое главное. Я уверена, он убийца.

Елизавета поразились:

– Но с чего ты взяла, что убийца именно Вечный Принц? Ты же говорила еще про Алкоголика и про Деловитого Страдальца. Может, Маша в кого-то из них влюбилась. И потом, она что, обязательно в этих вампиров влюбиться должна была? И почему именно в вампиров? Ей что, обычные парни не подходили?

– Не подходили. Исключения, конечно, бывают, но редко, – развела руками Далила. – Золушки чаще выбирают вампиров, причем тех, которых я перечислила.

Елизавета с напором спросила:

– Но почему ты ищешь Вечного Принца? Я так и не поняла.

– Суди сама. Алкоголиком никто из друзей Верховского не был. Деловитый Страдалец тоже отпадает.

Друзья Верховского слишком успешны, значит, заняты своим делом. А у Деловитого Страдальца как раз в том и трагедия, что он загубил свой талант, посвятил себя не тому, к чему склонен.

– А вот тут ты не права, – возразила Елизавета. – Друг Верховского, Гоша Кроликов, ведь он сын дипломата и дочка большого ученого, а кем стал? Знаешь, кто он сейчас?

– Телохранитель Павла Замотаева, – спокойно сообщила Далила.

– Правильно, мужа Наташи. И как, по-твоему, разве Кроликов сделал карьеру? Парень из приличной семьи, а кулаками на жизнь промышляет. Наташа мне рассказывала, как переживают родители Гоши, как долго они не могли смириться с его бездарностью.

Чем это тебе не Деловитый Страдалец?

– Уж он-то точно не Деловитый Страдалец, Гоша как раз свое дело нашел. К тому же Кроликов пышет здоровьем, а Деловитый Страдалец, он потому и страдалец, что склонен жаловаться и болеть. Он потому и Деловитый, что всегда в делах, а Гоша не любит работать.

– Какие его годы, заболеет еще, – «щедро» пообещала Бойцова.

– Хорошо, – согласилась Далила, – допустим, болеть ему еще рано. Страдальцы обычно начинают страдать годам к сорока, когда осознают, что не тем занимались и жизнь прожита бездарно. Но трудолюбие – их конек. Глядя на Деловитого Страдальца, создается впечатление, что на нем все ездят.

Елизавета разочарованно сообщила:

– Видела я Гошу Кроликова, на нем не поездишь.

Далила заключила:

– Следовательно, и Деловитый Страдалец у нас отпадает. Остается один Вечный Принц. За него говорит и тот факт, что Верховский сам был Вечным Принцем. Сестры обожают старшего брата?

– Обожают. Наташка уж точно, – подтвердила Елизавета.

– И Маша любила Андрея, это бесспорно. Следовательно, черты Вечного Принца для обеих сестер привлекательны. А из этого следует, что обе сестры влюбятся в того из друзей брата, который окажется Вечным Принцем. Я убедила тебя?

– Убедила, – нехотя проворчала Бойцова и, вдруг оживившись, воскликнула:

– А зачем я у Наташки про друзей буду выпытывать? Ты что, сама не можешь познакомиться с друзьями Верховского? Сама их и протестируешь.

Далила смахнула со лба прядь и пояснила с терпеливой усталостью:

– С друзьями Верховского я обязательно познакомлюсь, но вряд ли они согласятся тестироваться. Да я и не стану им предлагать.

– Почему?

– Глупо их настораживать. Выявить Принца беседами вряд ли удастся. Вечный Принц мог стать Королем, это бывает. Бывают и скрытые Принцы. Короче, мне нужны их биографии и воспоминания окружающих. Чем больше информации, тем точнее будет моя оценка. Как друга прошу, Лизеночек, помоги.

Елизавета сдалась:

– Хорошо, я согласна. Говори, что я делать должна.

Далила обрадовалась:

– Делать ничего не придется. Теперь, когда ты все знаешь, побольше говори с Замотаевой о сестре, о друзьях старшего брата. Говори и внимательно наблюдай, не промелькнет ли в ее рассказах чего полезного для меня.

– А портрет Вечного Принца ты мне нарисуешь?

– Обязательно. Он всегда подает надежды. В школе – отличник и любимец учителей. В одноклассниках, разумеется, возбуждает зависть. В институте – все время рвется выступить на научной конференции.

У него все получается. Сверстники Вечных Принцев за это, конечно же, недолюбливают. Он полон идей, вечно в поиске, часто меняет увлечения, лезет на передний план, и небезосновательно. Он способный.

– Отличный парень, – поразились Елизавета, – в чем же его проблема?

– Настоящие проблемы у Вечного Принца начинаются годам к тридцати пяти. Он все еще подает надежды, так ничего и не добившись. Вот когда точно выяснится, что он не состоялся. Хватаясь за все, он все бросает. Его губит талант, он привык, что ему все легко дается. Но всякое дело требует напряжения, а Принц как раз напрягаться-то и не умеет. Именно в это время особенно проявляется его вампирья сущность. Перекладывая свою вину на близких, он подпитывается их энергией. Вот почему Принцам нравятся добрые Золушки.

– Но ты описала не лидера, а Верховский и лидер, и Вечный Принц.

– Не забывай, он стал Королем, следовательно, решил все свои проблемы. Кстати, – спохватилась Далила, – чуть не забыла сказать: я уверена, что Наташа, наша Принцесса на горошине, одновременно встречалась с двумя парнями. Следовательно, один из романов скрывала.

– И обоих парней она выбрала из друзей старшего брата? – с азартом поинтересовалась Бойцова.

– Разумеется. Ты должна как-то сподвигнуть ее к задушевной беседе.

Елизавета самовлюбленно заверила:

– Я? Легко!

– Мне хотелось бы знать, как? – осторожно поинтересовалась Далила.

Бойцова обиделась:

– Не доверяешь?

– Доверяю, но знать все же хочу. Мне интересно.

– Расскажу ей пару историй из собственной жизни. Похвастаю, как кружила головы двум парням одновременно. Наверняка и Наташка не выдержит. Тут-то мы ее и приловим.

– Молодчина, – похвалила Далила и подумала:

«Однако с Лизой надо держать ухо востро. Она прирожденный манипулятор».

Глава 6

Проинструктировав Елизавету Бойцову, Далила отправилась к другой подруге, к Галине Семеновой.

У Галины случилась беда, о чем она уведомила Далилу, едва та переступила порог ее дома.

– Дождалась! Мой чех² наконец-то мне сделал вчера предложение, – с плаксивыми интонациями сообщила она.

Далила не слишком одобряла выбор подруги. Чех Ванек – пьянчуга, бабник и безумный картежник – не казался ей подарком. И все же она, изображая радость, воскликнула:

– Слава богу! Действительно, дождалась! А почему так грустно сообщаем о его предложении?

– Потому что он предложил мне сыграть с ним в очко! – зло прошипела Галина.

– Ах вот ты о чем, – скрывая настоящую радость, с облегчением вздохнула Далила.

Взглянув на горестное лицо подруги, она устыдилась и, успокаивая ее, добавила:

– Не горюй, все еще впереди.

Галина хлопнула носом.

– Если и есть у меня что впереди, так это будет не с Ванеком, – сообщила она.

– Почему?

– Потому что я выгнала чеха вчера! Выгнала и даже отобрала ключи!

– Ключи от сердца?

– Нет, от квартиры!

Падая на диван, Далила опешила.

– Значит, не врешь, значит, выгнала! Но как такое возможно? Он же мужчина! Твой бог и кумир! – воскликнула она не с иронией, а просто констатируя факт.

Семенова (в отличие от Бойцовой) относилась к мужчинам как восточная женщина – весьма пиететно, – хоть восточной женщиной и не была.

– Да, в паспорте чеха написано, что он мужчина, но мне наплевать! – смахнув с глаз слезу, гордо заявила Галина и с наслаждением произнесла:

– Я выгнала эту скотину в три шеи! Выгнала!

– Надеюсь, не за предложение сыграть с ним в очко? – осведомилась Далила.

– Нет, конечно. Он оказался женат.

– Кошмар! – отшатнулась Далила, хотя Ванека в этом подозревала давно.

Галина с остервенением повторила:

– Да, женат! В чем, зараза, мне и признался, когда я начала с замужеством на него наседать. Хочешь, тебя огорошу?

Далила не хотела, но послушно сказала:

– Хочу.

Галина плюхнулась на диван рядом с подругой и, вцепившись ногтями в ее холеную руку, с презрительной страстью воскликнула:

– У Ванека в Праге не только молодая жена! Там у него трое детей!

– Ой, мамочка! – взвизгнув, подскочила Далила. – Я не могу больше терпеть!

Слова эти относились к боли, которую причиняли ей острые ногти Галины. Однако Галина, по-своему истолковав вопли подруги, с чувством спросила:

– Ты не можешь терпеть, а мне каково?

² Чех Ванек – друг Галины. О том, как они познакомились, рассказывалось в книге Л. Милевской «Кто хочет спать с миллионером».

– Ужас! – освобождая наконец свою руку и со слезами рассматривая ее, сказала Далила. – Это раны уже, а не царапины. Такие заживать будут долго.

– Еще бы! – яростно подтвердила Галина. – Гребаный Ванек оказался героем-отцом! Трое детей!

Удивляюсь только, чем он их настрого!

– В каком смысле? – оставив руку в покое, удивленно спросила Далила.

Приученная к дифирамбам и гимнам в адрес многочисленных мужских достоинств Ванека, она искренне изумлялась.

– У него же там, в штанах, нет ничего. Кроме волос. И пота. И мобильного. Он мудозвон! – радостно заявила Галина. – У него все время оттуда звон какой-то идет. Разве нормальный мужик носит мобильный в переднем кармане брюк? А он, импотент хренов, носит. Потому у него и облом, потому и размеры такие.

Далила (не подумав) попробовала возразить:

– Но, помнится, ты говорила...

– Молчи! Я врала! – осадил подругу Галина и, рыдая, призналась:

– Безбожно врала, как врут все бабы, когда хотят вызвать зависть.

– Но зачем тебе зависть у меня вызывать? – поразились Далила.

Подруга с воем призналась:

– Ах, знала бы ты, как я страдаю!

– Но почему? У тебя же есть все.

– Точно! – согласилась Галина. – Самсонова, ты права! У меня есть все: дурацкая нищая жизнь! Внебрачный ребенок! Слезы в подушку! С мужиками полный облом! Даже отсутствие хорошей работы и ремонта в квартире есть у меня! И пустой холодильник!

Одного только мне не хватает: зависти лучшей подруги. Вот когда ты начнешь мне завидовать, тогда я успокоюсь. Только тогда, наверное, я почувствую себя: немного счастливой.

Далила осознала, что происходит с подругой, и внезапно расплакалась. Прижав Галину к груди, она с горестным воем ей сообщила:

– Об этом мечтаю сама! Когда наконец я тебе позавидую, Семенова? Господи! Ну когда! Бедная ты моя!

Бедная!

– От переживаний у меня пропал аппетит, – расположившись на плече у подруги, жаловалась, рыдая, Галина. – Из-за сволочи-чеха я жрать не могу! Ну, ни крошки не могу в себя затолкать!

– Как обидно, – вторила ей Далила. – А я принесла твой любимый торт...

– Торт?!

– Да, со взбитыми сливками...

Печаль из Галины ушла, Галина мгновенно вскочила:

– Торт со взбитыми сливками?!

– Да, пропитанный клюквенным ликером и посыпанный шоколадной крошкой.

– С ума сойти! Я три дня о таком мечтала! А мы тут сидим!

Далила напомнила:

– Ты же сказала, что у тебя нет аппетита.

– Но жрать-то хочется, – рассердилась Галина и призвала:

– Немедленно лопать торт!

– Отличное предложение, – согласилась Далила и, осторожно промакивая пальцами слезы, окликнула крестницу:

– Ангелина! Детка! Быстро ко мне!

Малышка, пользуясь увлекательной беседой взрослых, свирепо грызла коробку, в которой (это она по опыту знала) лежала игрушка. Далила, как прилежная крестная, каждую субботу баловала девочку новой игрушкой.

– Что творит эта разбойница! – возмутилась Галина и приказала дочери:

– Немедленно прекрати грызть коробку! У нас есть вкуснящий торт! Аида грызть его!

За трапезой Галина в борьбе с отсутствием аппетита уничтожала торт со взбитыми сливками, Ангелина же торт не жаловала, но зато взбитые сливки с наслаждением размазывала по своей задорной мордахе. Пользуясь тем, что рот подружки надежно занят, Далила рассказала ей об Андрее Верховском и его покойной сестре.

– Он мужик хоть ничего? – сквозь бисквит осведомилась Галина.

– Неужели только это интересует тебя? – рассердилась Далила.

– Нет, не только. Он женат?

– Нет, не женат и вполне симпатичный.

– Тогда познакомь, – мгновенно последовало предложение.

– Не могу.

Кусок торта застыл в воздухе, а Галина спросила обиженно и растерянно:

– Почему?

– Он уехал, – нехотя солгала Далила. – И не скоро вернется. В данный момент Верховский живет за границей. Но я тебя познакомлю с его другом. Точнее, надеюсь, что ты сама с ним познакомишься.

– Ради тебя на что угодно пойду! – незамедлительно раздалось в ответ.

– Только без этого.

– Без чего? – бестолково осведомилась Галина.

Далила вежливо попросила:

– Пожалуйста, не надо прикидываться, ты отлично все понимаешь.

– А я не прикидываюсь, я действительно не понимаю, о чем идет речь.

– Речь о том, на что ты у нас мастерица.

Галина кокетливо осведомилась:

– А на что я у вас мастерица?

– Ты просто познакомишься с ним, и все, поняла? – рассердилась Далила. – И никакого секса.

Только попробуй устроить разврат из расследования.

На этот раз я тебя просто побью, – пригрозила она.

– Ах вот ты о чем, – радостно прозрела Галина. – Успокойся. С Ванеком я забыла про секс. Отучил он меня, половой гигант этот хренов. Ха! Секс! Уж не помню, когда это чудо со мной и бывало.

– Вот именно, этого я и боюсь. Мигом вспомнишь, едва окажешься рядом с мужчиной.

– Да после Ванека я мужиков не переносу на нюх.

Я уже как твоя тетушка Мара стала.

Далила, пытаясь уберечь подругу от дерзких сравнений, напомнила:

– Тетушка Мара девственница.

– Не смей гадости о нашей тетушке говорить, – возмутилась Галина. – Она красавица и довольно пожилая. Никогда не поверю, что за долгую жизнь ей ни разу не подвернулся энергичный мужик. Надеюсь, хоть разок она согрешила. Тетя Мара достойна этого, я верю, что ей повезло. Она из скромности это скрывает.

– Давай лучше вернемся к Верховскому, – вскипая, попросила Далила.

Галина сей же миг оживилась:

– Давай, говори, что я должна с этим другом делать, и не беспокойся. Все будет в ажуре.

– Тебе нужно познакомиться с Хреновым, другом Верховского. Зовут его Сергей Николаевич.

– А чем он такой плохой, этот Сергей Николаевич? – удивилась Галина.

– Здрасьте! С чего ты взяла, что Сергей Хренов плохой? – в свою очередь удивилась Далила.

– До свидания! С того! Ты только что сама сообщила, что Сергей этот хренов. И второй раз повторила, так хренов этот Сергей.

– Он гораздо хреннее, чем ты о нем думаешь, – рассмеялась Далила. – Хренов или Хренов (уж не знаю, как правильно ставить ударение) – это фамилия друга Верховского.

Галина шутливо схватилась за голову:

– Горе мне! Кому-то приличные мужики достаются, а мне какие-то хреновы! Не успела от чеха избавиться, и вот уже Хренов!

Далила на всякий случай напомнила:

– Ты обещала без секса.

– Уж конечно, – согласилась Галина. – Раз этот Сережа хреновым таким оказался, придется обещание выполнять. Если уж сразу известно, что мужик Хренов, если он в открытую признается, то можно представить, чего от него дальше ждать.

– Семенова, ты опять за свое? – рассердилась Далила. – Не вздумай роман с ним заводить! Обижусь, клянусь!

Подруга ее успокоила:

– Какой там роман. Даже я на такого не клюну.

Это позор. Смех кому-то, к примеру, сказать: «Любовник мой, Хренов». Сразу вопросы посыпятся: «А что у него не так? Что, и вправду так хренов?» А представь, каково начальнику этого Хренова. Приедет, скажем, правительственная комиссия, а начальник членам комиссии и говорит: «Это мой подчиненный». И в сторону добавляет: «Хренов». Комиссия в ужасе: «Что, неужели он так хренов? Зачем же вы держите хреновых сотрудников?» И начальнику выговор. Кстати, где он работает, этот Хренов? – внезапно заинтересовалась Галина.

– Он сам начальник, – скрывая улыбку, сообщила Далила.

– Ну, умора! – рассмеялась Семенова. – Я животик сейчас надорву! Кому-то фатастически повезло!

Представляешь, с каким удовольствием его подчиненные произносят его фамилию: «Хренов». Прямо в лицо! Вот красотища! Хоть бери, и сама на работу к такому устраивайся.

– Но пока я предлагаю тебе устроиться к нему в приятные собеседницы.

– Как это можно сделать? – деловито осведомилась Галина.

– Я точно знаю, в каком ресторане этот Хренов обедает по субботам. Кстати, обедает он всегда один за двухместным столиком и просит администратора подсаживать к нему только женщин. Разумеется, обязательно привлекательных.

Галина с нечеловеческой надеждой уставилась на подругу, воскликнув:

– Ведь я как раз привлекательная, и сегодня как раз суббота!

– Именно, – не обманула ее надежды Далила. – Поэтому приводи себя быстро в порядок и прогуляйся-ка ты в ресторан. Нужный столик я уже заказала.

– Ах, мама моя дорогая!

Семенова подлетела к зеркалу и, с ужасом оглядев свой живот, горестно спросила:

– Зачем же я лопала торт?

– Здрасьте! Что тебя не устраивает? – удивилась Далила.

Галина возмущенно подперла кулаками бока и заявила:

– До свидания! Настоящая ты подруга!

– А в чем дело?

– Ты нарочно меня накормила? Хотела испортить мою фигуру? Теперь полюбуйся, чего ты добилась.

В какое вечернее платье я засуну такой живот? Кстати, все мои платья вышли из моды...

Руки Галины переместились с бедер на щеки – возмущение уступило место обиде и горю.

Далила хитро усмехнулась:

– Здрасьте, нашла над чем горевать.

– До свидания! – рассердилась подруга. – Самсонова, ты издеваешься. Ты подумала, в чем я пойду? – сбавив тон, жалобно спросила она.

– Подумала! – с триумфом сообщила Далила. – Ты пойдешь в моем лучшем платье!

– Вот это мне повезло! – подпрыгнула от восторга Галина и, содрогнувшись, воскликнула:

– Мы про Линку забыли! На кого я оставлю ребенка?

– Так и быть, с Ангелиной я посижу.

Оценив подвиг подруги, Галина с визгом набросилась на Далилу:

– Самсонова, я обожаю тебя!

Отбиваясь от поцелуев, та в который раз повторила:

– Только умоляю, без секса.

Отпрянув, Галина наивно спросила:

– С ума сошла? Какой в ресторане секс?

Глава 7

Получив инструкции и массу напутствий, Галина Семенова, виляя бедрами, с восторгом отбыла в ресторан. Далила храбро осталась нянчиться с обожаемой крестницей.

Малышка Ангелина в присутствии матери демонстрировала милый покладистый нрав, оставшись же с крестной наедине, она имела обыкновение из ангела превращаться в бесенка. Она хватала самые дорогие предметы и неистово швыряла их в стену, она бешено колотила руками-ногами, она трясла головой, кусалась, царапалась и лягалась. А вопли, которыми Ангелина обычно выражала протест против разлуки с мамашей, будоражили весь дом, от первого этажа до последнего. И не было никакого от воплей спасения.

Обрывались они только тогда, когда на пороге вырастала Галина: бесенок Ангелина мгновенно превращалась в симпатичного ангелочка.

Теперь можно представить, с каким чувством согласилась Далила играть роль няньки.

Однако, против всех правил, Ангелина не заметила отсутствия матери. Она ползала по ковру, увлеченно играя с новой игрушкой: сработало ноу-хау Далилы.

На этот раз Далила не рискнула просто так входить в клетку к разъяренному льву, который прикидывается безобидным котенком. Зная метаморфозы своей крестной доченьки, она запаслась против нее оружием: едва Галина вышла из комнаты, как Далила включила запись ее экспрессивного голоса. Под материнский речитатив Ангелина отлично играла, не собираясь бузить.

С игрушкой в руках она и заснула на дорогом мягком ковре – тоже подарок крестной. Далила даже не решилась переносить «термоядерную» малышку в кроватку. Она подложила под голову Ангелины подушку, прикрыла ее одеялом и на цыпочках вышла из комнаты.

Перекрестившись на кухне и воздев глаза к потолку, Далила радостным шепотом выдохнула:

– Господи! Кажется, пронесло!

И в этот миг (о ужас!) оглушительно зазвонил ее сотовый!

На самом деле сотовый не звонил, а еле слышно натренькивал зазорное рондо Моцарта. Однако в свете возможных проблем эти невинные звуки показались Далиле трубным зовом на Страшный суд. Она лихорадочно поднесла телефон к уху и услышала пафосный возглас племянника:

– Бонд! Джеймс Бонд!

– Женька, я тебя точно убью! – раздраженно прошипела Далила.

– Вижу, я очень не вовремя, – констатировал Бонд, и в трубке раздались гудки.

«Он мне нужен!» – вспомнила вдруг она и, быстро набрав номер племянника, виновато спросила:

– Женечка, зачем ты звонил?

Бонд радостно сообщил:

– Хотел рассказать анекдот.

– Новый?

– Прямо с конвейера.

Евгений любил придумывать хохмы, поговорки, анекдоты и пускать их по свету. Распространив, он немедленно забывал свои опусы, причем намертво.

Когда же его анекдоты к нему возвращались (через друзей, соседей, знакомых), он безбожно критиковал свое чувство юмора. Это изумляло и смешило Далилу.

– Что ты придумал на сей раз? – поинтересовалась она.

– Опять еврейская тема.

Боречка Розенблюм, лучший друг и однокашник Евгения, «был с детства евреем», как любил шутить он сам по этому поводу. Естественно, еврейская тема развивалась со школьной скамьи. Причем Боречка собирал и бережно хранил все дружеские анекдоты, присказки, прибаутки и поговорки.

Иные поговорки потом переделывались в свете новых времен, постепенно становясь анекдотами. Здесь нужна предыстория.

В связи с тем, что фамилия Бонд воспринималась многими как еврейская, Евгению с юных лет приходилось давать объяснения соседям, родственникам и друзьям Розенблюма. Таким образом родилось изречение:

На исконно русский вопрос: «Как вы относитесь к евреям?» – я с гордостью отвечаю: «К ним категорически не отношусь!»

Когда на нашу ровно подстриженную страну наступил капитализм и кое-кому открылось пространство для роста, изречение, несколько изменив смысл, приобретало такую вот форму:

На неприлично русский вопрос: «Как вы относитесь к евреям?» – я со смешанным чувством гордости и стыда отвечаю: «Увы! К счастью, я к ним не отношусь!»

Годы шли, и жизнь показала, что и это изречение надо менять. Согласно духу времени теперь оно выглядит так: На совершенно дурацкий вопрос: «Как вы относитесь к евреям?» – со стыдом признаюсь:

«Пока к ним не отношусь».

Но вернемся к Далиле: разумеется, она пожелала выслушать анекдот племянника, и он с радостью его рассказал:

– Абрамчик вернулся из командировки и спрашивает: «Сарочка, сколько у тебя было любовников?» Сарочка виновато ему отвечает: «Всего пять, Абрамчик».

И спешит пояснить себе в оправдание: «Но они тебе страшно завидовали».

Далила решила продолжить:

– А Абрамчик, поскребывая в затылке, укоряет жену: «Всего пять, говоришь? Что ж так мало?»

Евгений разочарованно возразил:

– Нет, это уже перебор. Во всем нужна мера.

– Да, по части юмора я не сильна, – согласилась Далила. – Но зато, как психолог, спрошу: что, твой Розенблюм из командировки вернулся?

– Нет, а с чего ты взяла?

– Кто-то же должен был натолкнуть тебя на развитие любимой еврейской темы.

Бонд рассмеялся:

– Наша тетушка Мара и натолкнула.

Вполне русская тетушка Мара по мере старения накапливала еврейские черты и во внешности, и в характере. Возрастная трансформация внешности и повадок тетушки Мары вдохновляла на творчество ее внучатого племянника, Бонда Евгения.

– Что же случилось на этот раз? – зная об этом, спросила Далила.

– Сегодня звоню ей и хвастаю, как дешево урвал для своей тачки «мишлены». Вместо того чтобы порадоваться за меня, тетушка въедливо интересуется, сколько я заплатил.

– И ты сказал? – испугалась Далила.

– Сдуру сказал, старушку чуть удар не хватил.

– Ну, знаешь! Я честным тебя воспитала, я за честность тебя и прибую!

– Слушай дальше, – рассмеялся Евгений. – Пока тетя Мара приходила в себя, я назвал ей настоящую цену «мишленов». Она мгновенно начинает меня ругать, почему мало взял, всего каких-то два колеса.

И сентенцию мне выдает: «Везение для того и существует, чтобы им пользоваться, а не зевать». Тут меня анекдотом про Абрамчика и осенило. Кстати, тетушка просила тебя срочно ей позвонить.

Далила взволновалась;

– Что-то случилось?

– Не знаю, она вроде здорова.

– Не мог расспросить?

– Кажется, у нее к тебе просьба. На всякий случай я интересоваться не стал. Вдруг она захочет заменить мною тебя.

– Неужели ты бездушный такой? – не удержалась от упрёка Далила.

Евгений обиделся:

– Вовсе нет, просто я занятой. По мелочам прошу не беспокоить. Я создан для крупных дел.

– Ну да, как все бездельники и мужчины. Кстати, ты сам напросился, у меня есть для тебя крупное дело, – сообщила Далила.

– Надеюсь, приятное? – насторожился Евгений.

– О да. За молодой и красивой женщиной надобно приударить.

Бонд мгновенно и вдохновенно заверил:

– Можешь всецело рассчитывать на меня!

– Отлично. Завтра утром к тебе загляну и выдам инструкции.

Он испугался:

– Завтра? К чему же тянуть?

Далила пожаловалась:

– Сегодня я не могу. У меня Линочка на руках, и Галка поздно вернется.

– Так ты у Галины, – радостно прозрел Бонд и решительно заявил:

– Немедленно выезжаю для получения надлежащих инструкций.

Далила в панике зашипела:

– Только не вздумай звонить.

– Почему?

– Лина спит, и горе тому, кто посмеет ее разбудить.

Бонд озадачился:

– А как же я без звонка к тебе попаду?

– Я дверь оставлю открытой, – пообещала Далила. – Ты только на цыпочках заходи и не вздумай с порога орать, как ты это любишь обычно делать, дикий ты, невоспитанный человек.

– Я же от радости видеть тебя ору, – начал оправдываться Евгений.

Далила его перебила:

– Знаю, но предупредить-то должна. Ты скоро будешь?

Бонд заверил:

– Прямо сейчас выезжаю.

– Тогда через полчаса я открою входную дверь, – обязалась она.

На том и закончили разговор. Прокравшись в гостиную, Далила убедилась, что Линочка безмятежно спит, и, вернувшись на кухню, набрала номер тетушки Мары. Старушка была чем-то взволнована.

– Ах, детка, мне так неудобно обременять тебя просьбами, – начала извиняться она.

Далила, зная, что «песнь» будет долгой, поспешила заверить:

– Я абсолютно свободна.

Тетушка обрадовалась:

– Как хорошо. У близкого мне человека депрессия. Ты не могла бы с ним поработать?

– Поработать?! – испугалась Далила. – У меня все расписано на месяц вперед. К тому же я недавно взяла на себя обязательства, которые не знаю, как выполнять, так это хлопотно. Я ввязалась в сложное дело и так теперь занята...

Тетушка строго напомнила:

– Минуту назад ты говорила, что абсолютно свободна. Как это понимать?

– Я думала, тебе окна надо помыть, – призналась Далила – Весна на носу. Я и сама собиралась помочь тебе по хозяйству.

– Окна мои подождут, – безапелляционно заявила старушка, – а мальчик ждать больше не может.

У мальчика, кажется, истерия.

– Ты же говорила, депрессия, Тетушка отмахнулась:

– Не знаю, я его не смотрела. Какое это имеет значение? В любом случае ему нужна твоя помощь.

Отягощенная обязательствами, Далила восстала:

– Моя помощь многим необходима, а с истерией пускай в поликлинику обратится.

– Обращался. Врачи не помогли.

– С ним работы на месяцы, а я занята.

Наткнувшись на препятствия, хитрая тетушка тактику изменила.

– Пойми, деточка, – жалобно запричитала она, – у близкого мне человека беда. Мальчик страдает.

– Если он такой близкий, сама им и займись.

– Я бы взялась за него, но так давно не практиковала, что не решаюсь, честное слово, боюсь. Ты же знаешь, хуже всего получается именно с близкими. Чем больше стараешься...

Уж это Далила знала.

– Да-да, – рассеянно подтвердила она. – А он точно к врачам обращался, этот твой близкий родной человек?

– Если честно, то я не знаю, – горестно пискнула тетя Мара и снова начала причитать:

– Мальчик так плох, он не спит, с отвращением ест, он худеет...

«Где брать время?» – мысленно облилась слезами Далила и, дрогнув под натиском тетушки, с тяжелым вздохом сдалась:

– Хорошо, завтра после шести пусть приходит.

Вместо отдыха буду мальчика твоего ублажать.

– Спасибо, деточка, ты очень добра, – интеллигентно заверила тетушка Мара и, добавив:

– Не буду тебя отвлекать, – собралась вешать трубку.

– погоди! – забыв про спящую Ангелину, закричала Далила. – Скажи хотя бы, как зовут этого мальчика?

– Я не знаю, – растерялась старушка. – Сейчас посмотрю, у меня где-то записано. Ах, эта память, надо только найти...

– Не нужно, завтра узнаю. Надеюсь, твой близкий родной мальчик не забудет представиться. Скажи хоть, кем он тебе приходится.

– Ах, – умилилась тетушка Мара. – Ну Лелю мож ты знаешь.

– Еще бы, – потеплел голос Далилы.

Тетя Леля (Елена Гавриловна) старая подруга Мары, почти член семьи.

Тетушка с напором продолжила:

– Так вот, тот, за кого я прошу, сын соседки сотрудницы, даже начальницы, племянницы невестки нашей Лелечки.

Традиционно питерская «заморочка» – от ее сложности Далилу передернуло даже.

– Жуть! – возмутилась она. – Ты сама хоть поняла, что сказала?

– Ну что же тут непонятного? – удивилась тетушка Мара и, к ужасу племянницы, начала объяснять:

– Невестка нашей Лели имеет по первому мужу племянницу, ну ты знаешь ее. Недавно у нее потолок обвалился.

– Ах, та, что на Невском живет, – прозрела Далила.

– Именно. Так вот, у нее есть сотрудница, даже начальница. Кстати, она на Большой Конюшенной проживает, в том доме, в котором жил Миша Романов.

Миша Романов – школьный друг матери Далилы: ее первая любовь, первый поцелуй, первое признание. В свете этого весомого факта начальница племянницы уже без всякой Лелечки не чужой человек Маре, а вместе с ней и Далиле.

– Так вот у начальницы этой, – продолжила экскурс в таинство отношений тетушка, – есть соседка, у которой есть сын, милый прелестный мальчик. Вот он-то и нуждается в твоей помощи.

– И эту седьмую воду на киселе ты называешь близким родным человеком? – поразились Далила.

Вообще-то она и сама частенько пользовалась питерским братством, но время от времени пыталась против него бунтовать. Особенно когда была перегружена профессиональными обязательствами.

Сейчас был как раз такой случай. Тетушка, отлично все понимая, гнула свое.

– А по-твоему, Леля чужая нам? – строго спросила она и категорически возвестила:

– Леля родная!

– Леля – да, но... – пыталась отбиваться Далила.

Однако тетушка и слушать ее не хотела.

– А невестка Леле, по-твоему, абсолютно чужой человек? – наступала она.

– Невестка – да, но...

– Невестка родная! А невестка Лелина разве виновата, что у ее первого мужа есть родная племянница?

Или она с первым мужем из-за тебя ругаться должна?

У них общие дети. Поэтому племянница ей родная.

У племянницы, кстати, и так беда, потолок обвалился. Разве она нам не родная?

– Племянница – да, но...

– А может ли эта племянница начальнице своей отказать? Ты хочешь, чтобы она лишилась работы?

– Начальница – да, но...

– А начальница может отказать своей лучшей соседке? Они на Большой Конюшенной прожили всю жизнь дверь в дверь. И что ей теперь, спокойненько наблюдать, как гибнет младенец, мальчик, которого она нянчила на руках? И Миша Романов, я уверена, этого мальчика знает. Мальчик нам не чужой...

– Все! Ты меня умотала! – взвыла Далила.

Тетушка невозмутимо осведомилась:

– Прости, не расслышала, что я тебя?

– Убедила. Действительно, он нам родной человек, этот мальчик. Пусть приходит. Клянусь! Все сделаю для него!

Мара умильно поинтересовалась:

– Тогда, может, я дам ему номер сотового?

– Моего? – изумилась Далила.

– Разумеется, у меня же нет сотового.

– Конечно, конечно, дай.

– Возможно, придется ему оказать скорую помощь, – пояснила тетушка Мара.

Тут уж Далила взбесилась:

– Что? Я буду консультировать человека с депрессией по сотовому телефону? Ты хочешь меня разорить? Впрочем, что это я? Человек-то родной. И не аргумент, что ты сама боишься лишний раз позвонить единственной племяннице на мобильный. Кто ты такая? Ты всего лишь какая-то тетушка, а он целый сын соседки начальницы невестки тещи...

Далила сделала паузу и, осознав бесполезность затеи, отказалась перечислять.

– Тьфу! – сплюнула она зло. – Я запуталась. Разумеется, дай. Обязательно дай ему номер.

Старушка обиженно произнесла:

– Пожалуй, я лучше не буду давать.

– Я должна тебя уговаривать? – поразилась Далила. – Что ж, изволь, я тебя уговариваю. Милая моя, я тебя очень прошу, дай, пожалуйста, мальчику мой телефонный номер. Пусть и днем, и ночью звонит, не стесняясь. Я буду ему всегда и во всем помогать. Я берусь за него основательно.

– Слава богу, раз ты взялась, значит, мальчик спасен, – облегченно вздохнула тетушка Мара, великодушно прощая племянницу за фиглярство.

Пока Далила, жадно хватая воздух, поражалась тактике и упорству старушки, та просветленно произнесла:

– Пойду порадовать Лелечку. Прощай, моя милая.

Глава 8

«Проблемы множатся, а я одна. Хоть бери и клонируй себя», – подумала Далила, простившись с тетушкой Марой.

Она даже не подозревала, как шустро множатся ее проблемы. День стремительно приближался к концу, а Далилу еще ожидала тьма впечатлений.

Взглянув на часы, она удивилась, что Евгений запаздывает.

«Коли так, – зевая, решила она, – можно пока вздремнуть. Раз уж я всем сильно понадобилась, постараюсь быть в форме. А если Женька не загулял и все же придет, то разбудит: дверь я оставляю открытой, раз обещала».

Далила протопала в прихожую, открыла замок и отправилась в спальню. Лишь увидев кровать, она поняла, как устала, и, не снимая дорожущего покрывала, рухнула на модный матрас Галины – подруга на все, что связано с сексом, денег не жалела.

Вечер был поздний, но для Далилы время, в общем-то, детское – по выходным она привыкла ложиться за полночь. Однако в этот субботний день она так себя «уработала», что, едва коснувшись подушки, немедленно провалилась в сон.

Сон был приятный. Почему-то приснился Матвей – бывший муж, норовящий затесаться в любовники³.

Почему он приснился?

Может, потому, что в последнее время Матвей проходу ей не дает: поджидает у офиса, часто звонит, настойчиво ищет встречи с Далилой.

Она ускользает, не идет на контакт, понимая его неуместность – слишком много между ними проблем. Их прошлую (хоть и длинную) жизнь удачной назвать нельзя. Их сын Димка в родителях не слишком нуждается. Он вырос, того и гляди, женится сам.

Ирина (вторая жена Матвея) родила прелестную дочь:

Матвей теперь счастливый отец.

Или не очень счастливый?

Или не очень отец?

Или счастливый отец, а супруг разнесчастный...

Видимо, в их молодой семье завелись неприятности. Чем же поможет Матвею Далила?

Развлекать бывшего мужа, мягко говоря, оскорбительно. Неинтересно. И глупо.

Чего же он хочет? Мосты сожжены, побиты горшки, растоптаны чувства, разнесены в прах иллюзии...

Впрочем, все это в жизни, а во сне Далила была в их общем далеком прошлом. Она обнимала бывшего мужа, а Матвей увлеченно о чем-то рассказывал. Далила не слышала – в небе шумел самолет. Они стояли на заросшем сочной травой пригорке, над горизонтом висели белые облака, внизу серебристой лентой петляла речушка, по берегам волновался камыш – было очень красиво.

И в душе было так же красиво: сладкий покой с привкусом неги. Далила прижалась щекой к мощной груди Матвея и тихо запела: «Женское счастье – был бы милый рядом...»

Закончить этой «высокой идеей» она не успела – яростно зазвонил мобильный.

Телефон, как уже нам известно, звонил вовсе не яростно, но Далиле не хотелось покидать свой уютный сон, и от этого робкие призывы мобильного показались ей громом среди ясного неба: трубку она схватила с ощущением ужаса и горькой утраты. В ухо тотчас ударил хриловатый, скрипучий бас:

– Самсонова Далила Максимовна?

³ История развода Далилы затронута в книге Л; Милевской «Мужской гарем»

«Много курит», – механически отметила она и откликнулась:

– Да, это я, а вы кто?

– Я Пендраковский.

– Простите, какой вы? – растерялась Далила, не совсем еще сбросивши сон.

– Пендраковский Валерий Гаврилович, – густо пробасил незнакомец и пояснил с легким смущением:

– Я к вам от Поповой.

– От Поповой? Простите, а кто это?

– Это сотрудница Валентины Ивановны.

– Валентины Ивановны? Я не знаю такой.

Бас с раздражением пояснил:

– Валентина Ивановна – это соседка.

– Ваша соседка?

– Конечно, моя. Попова ее подчиненная. Она якобы рекомендовала мне вас, или вам меня, нет, все же мне вас... Или вам меня? Кажется, я запутался, – зашел в тупик бас.

Далила ничем помочь не могла, терпеливо ждала и молчала. Бас смущенно откашлялся и решительно заявил:

– Короче, мне рекомендовали обратиться за помощью к вам. У меня нарушился сон и аппетит.

В голове Далилы мгновенно сложилась затейливая конструкция тетушки Мары: соседка сотрудницы племянницы невестки Лелечки. Кажется, так.

«Мальчик! – едва ли не радостно прозрела она. – Близкий и родной человек тетушки Мары!»

– Я вас слушаю, – уже приветливо сказала Далила.

«Мальчик» скрипучим басом поведал:

– Дело в том, что я продаю шкаф. Дорогой, антикварный. Ручная работа. Кажется, век семнадцатый. Точно пока не выяснил.

– А, уже продаете?

– Уже продаю.

Далила мысленно констатировала: «Налицо навязчивая идея. Возможно, следствие возрастных изменений мозга».

– Почему не выяснили? – деловито осведомилась она, подавляя зевоту. – Вы можете прогадать. Хотите, порекомендую оценщика? Специалист высокого класса. Сошлитесь ему на меня, он недорого с вас возьмет.

Бас скрипуче взорвался:

– Оценщик был! Он-то меня и достал! Чертов шкаф!

«Неадекватность реакций», – отметила про себя Далила и ласково осведомилась:

– Почему же оценщик не определил возраст шкафа?

«Мальчик», по-медвежьи рыкнув, с чувством пожаловался:

– Никак не могут выяснить этот возраст! Чертов шкаф! Там все время кто-то сидит! Будь проклят тот день, когда я надумал его продать!

«Ко всему еще и галлюцинации, – определила Далила. – Что угодно, кроме депрессии, обещанной тетушкой Марой. Мальчик буйный. При депрессии срывы бывают, но обычно так не вопят. Силы не те».

– Мне все ясно, – демонстрируя компетентность, сказала она. – Случай исключительный, но известный, сложный, но легко излечимый. Я вам помогу.

Пациенты любят узнавать о сложности своих случаев – разумеется, при условии, что они легко излечимы. Пациентам нравится чувствовать свою исключительность даже в болезни,

тогда они проникаются доверием к Далиле, успокаиваются и неукоснительно выполняют все ее предписания.

Однако Мальчик не проникся и не успокоился.

– Поможете? – проныл он, и в его старческом голосе сквозило дремучее недоверие.

«Лет семьдесят бедолаге, не меньше», – заключила Далила, категорически возвестив:

– Попробуем разобраться. Завтра после шести я вас жду. Прошу не опаздывать.

Мальчик поблагодарил, и они распрощались. Далила, не медля, рухнула на подушку досматривать сон.

Вопреки здравому смыслу ей страшно хотелось вернуть свою щеку на грудь Матвея.

И (не чудо ли?!) ей это удалось. Снова пригорок и облака, камыши и речушка, щека – опять на груди, руки Матвея ласкают Далилу, она вновь нежно поет:

«Женское счастье – был бы милый...»

И...

– О, кошмар!

Опять Моцарт! Мобильный снова играет задорное рондо: «Тили-ти, тили-ти...»

Далила выругалась, вскочила и, яростно припечатав к безвинному уху «трубу», незнамо кому адресовала свое возмущение:

– Вы мне ребенка разбудите!

В ответ проскрипело:

– Простите, я о ребенке не знал.

Это был, конечно же, Мальчик. Услышав его незабываемый бас, Далила значительно мягче спросила:

– Вы что-то хотели узнать?

Он начал с напором:

– Я не все рассказал вам про шкаф...

Далила его перебила:

– Завтра расскажете!

– Да, конечно, – сник Пендраковский. – Простите. До завтра.

– До завтра.

Мысленно обругав тетюшку Мару, она отключила мобильный и рухнула на подушку: на этот раз в полной решимости досмотреть чертов сон. Надо же знать, куда заведут ее отношения с бывшим мужем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.